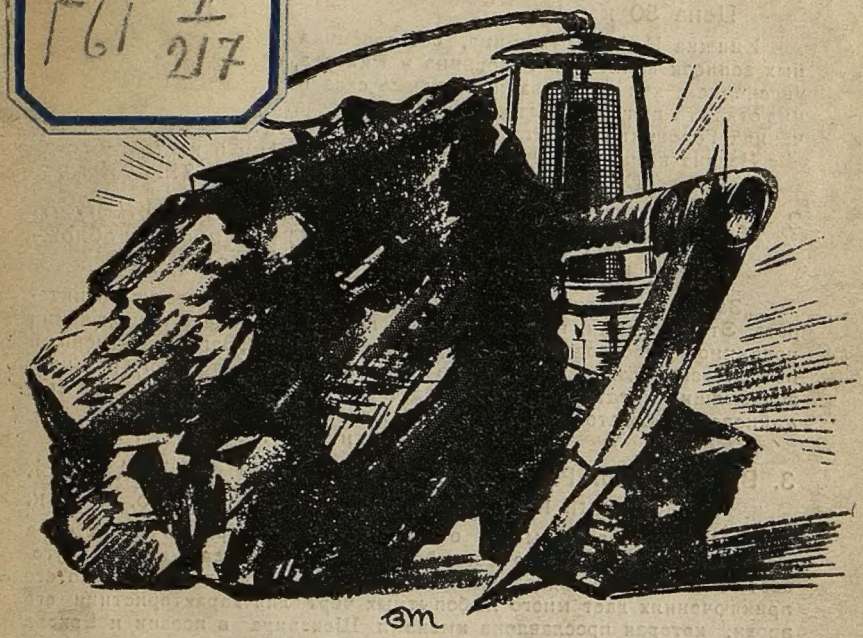
T61 7/217

Э. К. ПИМЕНОВА
и
А. Я ОСТРОГОРСКАЯ-МАЛКИНА

ДОНБАСС

Г61 Ж 217



ИЗДАТЕЛЬСТВО БРОКГАУЗ-ЕФРОН
ЛЕНИНГРАД
1925

Издательство БРОКГАУЗ-ЕФРОН

Ленинград, Прачешный пер., 6. Тел. 553-92.

ОТКРЫТИЯ — ЗАВОЕВАНИЯ — ПРИКЛЮЧЕНИЯ.

1. **Н. М. ДРУЖИНИН.** — РУССКИЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ В СТАРОЙ ЯПОНИИ. (Два года в плену у японцев). Обложка и рисунки Д. И. Митрохина с картой Японии. Цена 80 коп.

Книжка Н. М. Дружинина, составленная на основании подлинных записок капитанов Головнина и Рикорда, читается с таким же увлечением, как самые занимательные сказки... и теперь, когда Япония открыта для путешественников и наблюдателей, книга о приключениях Головнина представляет собою огромный интерес.

Издана книжка хорошо и снабжена рисунками и картой.

(Журнал „Красный Флот". Книга XII. 1924 г.).

2. **Д. Н. ЕГОРОВ**—ЗАПИСКИ СОЛДАТА БЕРНАЛЯ ДИАЗА. Ч. I. В погоне за золотом. С рисунками и обложкой В. Н. Талепоровского. Цена 1 р. 20 коп.

„Записки солдата Берналя Диаза"—книга захватывающего интереса. Это не роман, не выдумка, это подлинные дела и приключения подлинно существовавших исторических людей. „Записки"—ценный исторический документ, в форме наивного и увлекательного рассказа знакомящий читателя с эпохой завоеваний и открытий, с эпохой возникновения богатой золотом Новой Испании".

„Книгоноша". № 44—45. 1924 г.

3. **В. К. МЮЛЛЕР.** ПИРАТ КОРОЛЕВЫ ЕЛИЗАВЕТЫ. С рисунками и обложкой В. Н. Талепоровского. Ц. 70 к.

Эта книга рассказывает о путешествиях и приключениях сэра Фрэнсиса Дрэка, первого английского моряка, совершившего кругосветное плавание, одновременно адмирала и пирата. Рассказ о его приключениях дает много любопытных черт для характеристики его эпохи, которая прославлена именами Шекспира в поэзии и Бэкона в философии и одновременно омрачена жестокими преследованиями негров. (Из предисловия).

4. **С. В. БАХРУШИН.** КАЗАКИ НА АМУРЕ. С рисунками и обложкой В. П. Белкина. Цена 70 коп.

Д. Н. ЕГОРОВ.—ЗАПИСКИ СОЛДАТА БЕРНАЛЯ ДИАЗА. Ч. II. Золото и смерть. С рисунками и обложкой В. Н. Талепоровского. Цена 1 р. 20 к.

ОЧЕРКИ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Проф. С. П. АРЖАНОВА

Т 61 7
217

ДОНБАСС И ЕГО БОГАТСТВА

СОСТАВИЛИ

Э. К. ПИМЕНОВА и А. Я. ОСТРОГОРСКАЯ-МАЛКИНА.

256/5

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО БРОКГАУЗ-ЕФРОН
1925

ТИПОГРАФИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА
БРОКГАУЗ-ЕФРОН
ЛЕНИНГРАД, ПРАЧЕШНЫЙ 6.

ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
35548
25-III-1925
БИБЛИОТЕКА

Ленинградский Гублит № 20.720.

Напечатано 8.000 / 3.

От редакции.

„Я не знаю, где о н о“ — отвечал однажды юный школьник в анкете на вопрос, нравится ли ему география и, если не нравится, то почему.

А между тем, обязанность школы заключается и в том, чтобы постепенно открывать школьнику ему чуждое и далекое, расширять его кругозор.

Это чуждое и далекое может сделаться близким и своим тогда, когда оно становится п е р е ж и в а н и е м юного человека, а к этому два верных пути:

1. В период своей „учебы“ — внешкольной так же, как и школьной — подрастающий человек должен увидать сам и сделать сам все то, что по условиям своей жизни и местопребывания он видеть и сделать может.

2. Отправляясь от этих непосредственных впечатлений, можно переходить и к посредству с л о в а, и вот качество этого слова имеет огромное значение. — Всегда на ребенка строки учебника, по самому существу учебника неизбежно сухие, неизбежно конспективные, оставят такое впечатление, которое трудно формулировать иначе, как приведенными выше словами ответа на анкету:

„ — Не люблю: я не знаю, где о н о“.

Совсем иной результат дает художественное слово. Оговоримся: художественное слово мы понимаем в условном смысле, а именно, в смысле воздействия на психику молодого читателя: — Эффект переживания может дать художс-

ственное слово в его прямом значении художественного описания и простое слово очевидца, который рассказывает то, что он сам видел и испытал, рассказывает просто, без стилистики; такое слово также заставляет переживать, ибо за таким словом слишком рельефно виден, почти осязается факт.

Мысль дать в руки молодому читателю книги, постепенно раскрывающие ему картины жизни нашего территориально исключительно громадного Союза республик, и притом раскрывающие эти жизненные картины при посредстве или слова — картины или слова — факта — эту мысль хочется приветствовать.

Труд человека на земле встанет перед молодым читателем во всем своем разнообразии и во всей жизненности, не в остановке, а в движении, в развитии, в изменениях. Встанут и тяжелые картины эксплоатации труда — и пусть встанут ярче: их молодой читатель — смена начавшим дело освобождения — призван искоренить; встанет и значение труда — и пусть встанет ярче: его молодой читатель призван поднять на высоту еще не бывшую. Пусть же эти сборники дадут их читателям как можно больше переживаний.

С. Аржанов.

Отдел I.

1. Каменный уголь и его значение в жизни человека.

Бесконечно обширны отрасли человеческого труда, и человеку приходится предпринимать часто очень тяжелые, мучительные и даже опасные работы, чтобы добыть то, что ему необходимо для жизни, и овладеть богатствами и дарами природы. К числу таких необходимых предметов принадлежит топливо. Дрова и древесный уголь всем хорошо известны и добыча их не требует большого труда и не сопряжена с такими опасностями, как добыча горючего ископаемого, т.-е. каменного угля.

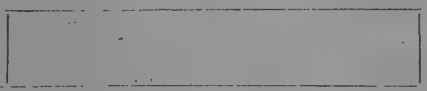
Ископаемый уголь играет огромную роль в жизни человека. Без него не может развиваться промышленность страны. Он нужен для фабрик и заводов, для железных дорог и пароходов, поэтому на всем земном шаре, в различных странах, приблизительно до семи миллионов рабочих ежегодно добывают из глубины земли огромные количества каменного угля. Чем больше развивается фабрично-заводская промышленность, тем больше возрастает и добыча каменного угля. В Европе же первое место по добыче угля занимает Англия.

Ископаемый уголь перерабатывается в особых печах в так называемый кокс, имеющий огромное значение в промышленности. Металлы, столь необходимые для человека, редко встречаются в природе в самородном состоянии и

Мировая добыча угля в 1913 году

Соед. Шт. С. Ам. 509 милл. англ. тонн.

Англия 287 м. т.



Германия 274 м. т.

Франция 40 м. т.

Россия 32 м. т.

Бельгия 22.

Япония 21.

Индия 16.

Китай 14.

1 тонна (б. английская) = 62 пуд.

обычно образуют соединения с другими веществами. Такие соединения называются рудой и из руды металл добывается при помощи плавления. Для этой цели и служит кокс, получаемый из каменного угля. Так, например, в огромные печи, называемые домнами, закладывают кокс вместе с железной рудой и переплавляют руду, которая превращается в чугун, а затем уже из этого чугуна добываются и железо и сталь на заводах.

Из угля добывается также светильный газ, который употребляется для освещения и разных других целей. Но помимо кокса и газа из угля получают так называемую каменноугольную смолу и множество других продуктов, целый ряд красок, которые так широко применяются при окраске различных материй, а также разные лекарственные вещества, например: карболовая кислота, нафталин, а также сахарин и разные пахучие вещества, которые употребляют в виде духов. Из этого ясно, какую огромную роль в жизни человека играет каменный уголь, поэтому во всех государствах отыскивались и тщательно изучались месторождения каменного угля и устраивались приспособления в виде копей для его добычи из глубины земли.

У нас, в Европейской России, каменный уголь встречается и добывается тоже в разных местах, но самый важный и самый большой, так называемый каменноугольный бассейн, находится в южной части России, в Донецкой области. Это—Донецкий каменноугольный бассейн, где добывается самый лучший уголь. Там есть шахты, глубиной более 320 саженей, а подземные галлереи тянутся в разные стороны на несколько верст.

Донецкий бассейн занимает очень удобное положение. Он граничит с Волгой, Доном и Азовским морем и следовательно, обладает удобными путями сообщения, связывающими его как с центральной Россией, так и с заграницей. Для промышленной и хозяйственной жизни страны он имеет

огромное значение. Его естественные богатства весьма велики, так как там добывается не только уголь, но и металлы. Длина всего угольного района достигает 350 верст, а наибольшая ширина 150 верст.

Употребление каменного угля, как топлива, было известно с очень давних времен, но пока леса находились повсюду в изобилии, люди предпочитали пользоваться дровами для отопления. Тогда еще не существовало ни железных дорог, ни фабрик, ни пароходов, поэтому и топлива требовалось меньше. Торговцы же дровами опасались, что каменный уголь, если он войдет в широкое употребление, составит подрыв их торговли, поэтому они всячески старались помешать распространению каменного угля, как топлива. Как в Англии, так и во Франции, например, было такое время, когда топить каменным углем запрещалось королевскими повелениями. Но леса с течением времени вырубались, и так как они растут медленно, то и пришлось подумать о замене дров другим топливом, в особенности же с тех пор, как стали распространяться фабрики и заводы. Первый пример в этом отношении был подан Англией.

В восемнадцатом столетии каменный уголь стал употребляться в Англии уже во всех производствах, требовавших больших количеств дешевого топлива, и примеру Англии последовали другие европейские страны, кроме России, где каменный уголь вошел в употребление уже гораздо позднее.

Первоначальное открытие каменноугольных залежей на юге России приписывается Петру Великому. Рассказывают, что во время его азовского похода ему принесли кусок каменного угля и он, рассматривая его, сказал: „Сей минерал, если не нам, то нашим потомкам полезен будет“. И вернувшись из похода, он послал разведчиков, которые доставили ему различные образцы угля. Но по смерти Петра Великого об угле забыли, и он был уже вторично открыт

в 1784 году одним русским капитаном, а после него и разными другими лицами в различных пунктах Донецкого бассейна. Только с половины тридцатых годов прошлого столетия начались правильные разведки каменноугольных залежей. Лучший сорт ископаемого угля, так называемый „антрацит", отличающийся от других сортов большим содержанием углерода (до 95%), стал добываться в Донецком бассейне в 1840 году, но лишь в 1870 году этот уголь появился на рынке.

Крупную роль в деле открытия каменноугольных залежей сыграло местное крестьянство. Два крестьянина в 1865 году отрыли на своей земле пласты каменного угля, и с их легкой руки стали закладываться одна за другой крестьянские шахты. Очень часто местные крестьяне оказывались даже впереди техников специалистов в деле розыска каменноугольных залежей.

Донецкий бассейн — не единственное место в России, где добывается каменный уголь, его находят еще во многих других районах: на Урале, в Сибири, в Подмосковном районе. Но по добыче угля он занимает первое место: из всего количества каменного угля, добываемого в нашей стране, три четверти его приходятся на долю Донецкого бассейна, и этим углем мы пользуемся для железнодорожного и водного транспорта, для промышленных целей, для фабрик и заводов, разбросанных по всей стране. Вполне естественно, что потребность в каменном угле должна возрастать по мере роста промышленности.

По подсчетам геологов в Донецком бассейне имеются запасы угля в 55,5 миллиардов тонн (тонна равняется 62 пудам), в том числе такой ценный вид ископаемого угля, как антрацит. Во всей Европе антрацит встречается еще только в Великобритании.

В связи с развитием добычи угля начали возникать в Донецком бассейне и другие отрасли горного дела: добыча

руд и постройка заводов. В этом районе имеются большие рудные богатства. Там, на металлургических заводах производится не только выплавка чугуна из руд, но и железо, сталь и изделия из них, особенно необходимые для железных дорог. Там же добывается и марганцевая руда, имеющая важное значение в производстве некоторых сортов стали; кроме того, ртуть, графит и серный колчедан. Все эти продукты имеют очень большое значение для промышленности. Так, например, из серного колчедана добывается серная кислота, графит идет на изготовление карандашей и в гораздо большей степени применяется как огнеупорный материал, ртуть находит значительное применение в медицине и т. д.

Чрезвычайно важное значение имеет то, что все эти богатства Донецкого бассейна расположены необыкновенно удачно, — что громоздкий и трудный для перевозки каменный уголь находится в непосредственной близости к рудам, и что благодаря этому в том же самом районе возникли и металлургические заводы, работающие на местном угле.

Еще одним богатством Донецкого бассейна являются месторождения каменной соли. Залежи ее давали до войны 32% общей добычи соли во всей России. Во время мировой и последовавшей за ней гражданской войны добыча соли значительно упала, и этим объясняется тот соляной голод, который в то время был особенно ощутителен в деревнях. В годы гражданской войны, когда Донецкий бассейн переходил из рук в руки и все производство там приостановилось, почти прекратился и вывоз соли оттуда.

В Донецком бассейне каменная соль добывается в Бряпцевских копях, где толщина соляного пласта, образующего залежи, достигает 17 сажен, а глубина, от поверхности до дна разработок, — 57 сажен. Много труда было затрачено, чтобы преградить доступ почвенной воды в копи, и теперь там совершенно сухо. Это — громадное преимущество Бряпцевских копей. В подземных галлереях этих копей соль

окружает человека со всех сторон. Соль находится над головой (пласт толщиной в одну сажень), соль с боков и соль под ногами (пласт в 9 сажен), который образует пол. Верхний же пласт представляет крышу всех разработок, под которой образуются, вследствие вынимаемой соли, ряды пересекающихся друг с другом галлерей, разделенных толстыми столбами или стенами. В некоторых из этих столбов устроены небольшие выемки или помещения, представляющие нечто вроде комнат. Там находится контора инженера, склад различных инструментов и т. д. Но главное их назначение — служить подпорками для потолка копи. В общем, Брянцевские соляные копи представляют огромное подземное здание, выстроенное из одного материала — из плотной каменной соли.

Работа в этих копях не представляет такой опасности, как работа в темных, черных галлереях каменноугольных копей, где смерть подстерегает человека на каждом шагу и труд его более тяжел и сложен.

Но Донецкий бассейн является не только богатейшим источником угля, металла, соли, он имеет серьезное значение и для сельского хозяйства. В его состав входят губернии — Екатеринославская, Харьковская и Донецкая, почвенные (почти сплошь чернозем) и климатические условия которых чрезвычайно благоприятны для развития сельского хозяйства. И действительно, на громадной посевной площади этого района произрастают хлеба в таких количествах, что их хватает не только на то, чтобы прокормить местное население, но остается еще излишек для вывоза в другие районы. Кроме того, там имеются многочисленные плантации свекловицы, благодаря чему в этом районе возникло множество сахарно-рафинадных заводов. В 1915 году в одной только Харьковской губернии имелось 28 таких заводов. Здесь же разводится виноград и в связи с этим широко развилось виноделие и винокурение.

Донецкий бассейн с полным основанием называют золотым дном Европейской России, и неудивительно, что он уже с давних пор привлекал внимание иностранных капиталистов, стремившихся завладеть его богатствами. В 1917 году в их руках было сосредоточено свыше 70% общей добычи угля и железной руды. А из 25 крупнейших акционерных предприятий правления 19 находились в Бельгии и Франции. Это объясняется тем, что заводское и горное дело в Донецком бассейне было чрезвычайно выгодным для предпринимателей. Они стремились только к тому, чтобы извлекать из него как можно больше доходов и мало заботились о технических усовершенствованиях производства, требовавших денежных затрат.

2. Рабочие Донецкого бассейна до и после революции.

(По Арскому и др.).

Рабочие Донецкого бассейна отличаются многими особенностями по сравнению с рабочими других промышленных предприятий. Тяжелые условия работы оказывают громадное влияние на весь облик рудокопа, резко выделяя его из остальной массы современного пролетариата. Горнорабочего всегда можно узнать по наружности, по его бледной коже с налетом мелкой угольной пыли, по его глядящим исподлобья, слегка прищуренным глазам, отвыкшим от яркого солнечного света, и по той особенной медлительности и осторожности движений, которыя являются естественным результатом постоянной работы во мраке под земной ночи. Следы суровой профессии сказываются и в психике углекопа, во всем строении его духовного мира. Отсутствие ярких красочных впечатлений и вечный призрак грозящей мучительной смерти придали его характеру известную угрюмость и сосредоточенность.

Главную массу рабочих Донбасса составляют шахтеры и рабочие металлургических заводов. Шахтеры сравнительно слабо связаны с теми предприятиями, на которых они работают, так как они всегда уходили летом на полевые работы, покидая на это время шахты. Вследствие этого каменноугольные копи на юге России страдали от недостатка шахтеров в летнее время. Обычно, число рабочих рук сокращалось в летние месяцы на 15 — 20%, и как ни старались промышленники удержать рабочих на местах, это им редко удавалось. Только во время войны это изменилось, и шахтеры, чтобы не итти на войну, продолжали работать в шахтах. Но последствием этого явилось истощение рабочих, лишенных привычного летнего отдыха.

Как ни тяжел труд крестьянина-земледельца, но все же он во много раз легче труда шахтера. Крестьянин работает под открытым небом, на свежем воздухе широких полей, а шахтер принужден работать под землей, как крот, в полутьме и спертом воздухе сырых галлерей. И нет ничего удивительного, что поездка в деревню, на полевые работы являлась отдыхом для шахтера.

Донецкие рабочие металлургических заводов отличаются от шахтеров тем, что они не уходят на полевые работы и не оставляют своих предприятий на летнее время.

Довоенный режим в Донецком бассейне, когда он находился всецело во власти капиталистов, извлекавших из него громадные выгоды посредством самой беззастенчивой эксплоатации рабочих, не мог не вызвать скрытой борьбы между ними и предпринимателями. С наступлением революции эта борьба из скрытой перешла в открытую. Началось рабочее движение. Целая система полицейских мер в прежнее время мешала рабочим сноситься друг с другом и организоваться. Этим пользовались капиталисты для усиленной эксплоатации рабочих, которым трудно было бороться с ними. Однако, в Донецком бассейне и до революции рабочие

добивались увеличения заработной платы и сокращения неимоверно длинного, двенадцатичасового рабочего дня. Но, конечно, при прежних условиях все подобные попытки были заранее обречены на неудачу.

Революция 1917 года всколыхнула рабочих Донецкого бассейна. Они предъявили предпринимателям требования увеличить заработную плату и уменьшить число рабочих часов. Но нигде противодействие капиталистов тем требованиям, которые выдвигал рабочий класс, не достигало такой силы, как в Донецком бассейне. Горнопромышленники юга ухитрились затянуть на целых девять месяцев разрешение вопроса о восьмичасовом рабочем дне, и постановление об этом было принято только в ноябре 1917 года.

Колоссальное значение Донецкого бассейна для всей русской промышленности вполне выяснилось в то время, когда он был отрезан от остальной Советской России контр-революционными наступлениями. Донецкий бассейн, ставший театром военных действий, лишился возможности получить оттуда предметы, необходимые для производства (взрывчатые вещества, строительный лес, смазочные масла и т. п.), и работа его остановилась. Было совершенно ясно, что без Донецкого топлива страна должна испытывать величайшие затруднения. В самом деле, она не могла уже получать оттуда ни угля, ни металла, составляющих основу всей промышленности. Заводы почти бездействовали, железные дороги, вследствие отсутствия угля, перестали работать, и транспорт расстроился. В свою очередь, это расстройство транспорта отразилось гибельным образом и на самом Донецком бассейне и его населении. Прекратилась доставка предметов первой необходимости, и рабочие начали голодать. Часть их уходила в Красную армию, а часть разбегалась. Притом же, во время контр-революционных наступлений рабочие зачастую истреблялись без всякого разбора. Очень часто в шахтах совсем не оставалось рабочих и создава-

лось такое положение, что некому было работать у насосов и вентиляторов. Шахты заливало водой, и они разрушались.

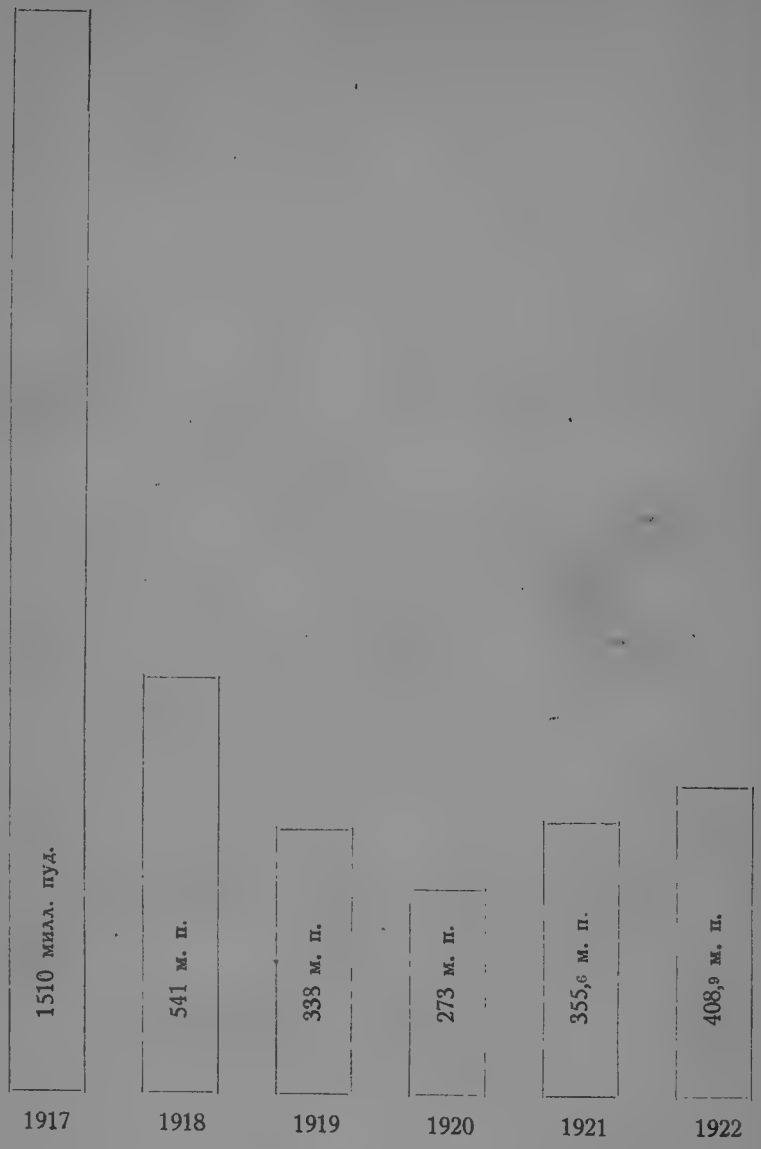
Неудивительно, что при таких условиях добыча угля в Донецком бассейне падала все более и более. Как стремительно шло это падение, лучше всего видно из следующей таблицы:

Год	Добыто миллионов пудов угля
1917	1.510
1918	541
1919	338

Казалось, что совершенно уничтожена всякая возможность возрождения Донбасса. Но в конце декабря 1919 года он, наконец, был очищен от контр-революционных войск, и перед Советской властью встала огромная и неотложная задача — восстановить то, что было разрушено длительной гражданской войной. Требовалось не только восстановить разрушенные шахты и технические приспособления, нужно было создать весь план производства на совершенно новых основах. Задача заключалась не в том, чтобы восстановить прежнее производство, развивавшееся в условиях капиталистического строя со всеми его характерными особенностями, а в том, чтобы воссоздать производство на началах планового хозяйства. К этой задаче и было приступлено. Наиболее крупные предприятия были немедленно национализированы. Был выработан целый ряд мероприятий, чтобы поставить производственную работу на правильный путь. Благодаря этому, добыча угля, дошедшая до своего минимума в самый трудный, 1920 год, непосредственно следовавший за очищением Донбасса от контр-революционных войск, снова стала подниматься, как это видно из следующей таблицы:

Год	Добыто миллионов пудов угля
1920	273
1921	355,6
1922	408,9

Ход добычи каменного угля в Донбассе с 1917 по 1922 гг.



Конечно, процесс возрождения Донбасса при существующих условиях по необходимости может совершаться лишь крайне медленно. Но мало-по-малу работа все-таки налаживается, и надо надеяться, что с течением времени удастся устранить тяжелые последствия развала в Донбассе, что он справится со своими производственными задачами и что этому богатейшему району С.С.С.Р. предстоит полный расцвет.

3. Как работают и живут донецкие шахтеры.

Льва Либермана.

Среди целого ряда отраслей труда, труд в каменноугольных копях можно смело признать одним из самых тяжелых и опасных. Работа днем и ночью, глубоко под землей, без солнца, света и воздуха, при тусклом освещении рудничных ламп, работа в атмосфере, насыщенной вечной сыростью, испарениями человеческих тел, копотью ламп, угольной пылью, выделением из угля вредных для дыхания газов — все это страшно влияет на организм человека. Среди профессионалов горнорабочих крайне редко можно встретить людей действительно здоровых, достигших преклонного возраста. Обычно горнорабочий дряхлеет очень быстро и к 35 — 40 годам превращается почти в полного инвалида, страдающего одышкой, вечным упорным кашлем и неизбежным ревматизмом... Взгляните на толпу горнорабочих: это почти сплошь люди с бледными лицами землистого цвета, с глубоко въевшеюся в поры кожи угольной пылью, с темными кругами вокруг глаз, вечно хрипящие, кашляющие и выплевывающие черную, как уголь, мокроту. И если в 30 — 40 лет еще попадаются здоровые люди, то наверное они обладали исключительно крепким организмом.

Условия труда горнорабочих убийственны. Познакомимся же с отдельными видами этой работы.

Работу по прохождению самого колодца шахт или „ствола“, как его обычно называют, производят: 1) бурильщики; 2) уборщики разрушенных горных пород; 3) запальщики, взрывающие крепкие массы горных пород динамитом; 4) крепильщики, укрепляющие стенки колодца для предотвращения возможных обрушений.

Шахту закладывают в намеченном месте в виде колодца и, дойдя до твердых пород, взрывают их при посредстве динамита. Бурильщики садятся на дне колодца и принимаются сверлить цилиндрические отверстия. Работа эта — одна из самых тяжелых. Обычно люди сидят по пояс в воде. Несколько выше подвешен в колодце насос, откачивающий воду. Насос работает паром и паровые трубы, вечно горячие, поднимают температуру в колодце, а так как использованный пар и трудно и дорого выводить на поверхность, то его сплошь да рядом прямо пускают в воду, а то и в колодезь. В колодце поэтому жара стоит нестерпимая и доходит порой до 40° Р. В такой жаре захватывает дыхание, щиплет уши, как на сильном морозе, а глаза начинают лить слезы... Прибавьте к этому слабый обмен испорченного воздуха, копоть лами, испарение тел, дыхание людей, а главное — постоянное присутствие едкого, вызывающего тошноту и головокружение динамитного газа, запах которого редко исчезает, благодаря повторным частым взрывам.

Но вот бурильщики кончили свою работу и садятся в бадью для возвращения на поверхность. На теле у них нет и сухой нитки. Истомленные каторжной работой, они задыхаются от жары, а наверху их охватывает холодный воздух; лишь в крайне редких случаях бывают устроены для них грелки и сушилки, но обычно им негде ни обсушиться, ни переодеться.

На смену бурильщикам идет запальщик. На нем лежит обязанность зарядить проделанные отверстия (бурки) дина-

митом и взорвать их, через плечо у него кожаная сумка с динамитом, пистонами, начиненным гремучей ртутью и фитилями, покрытыми гуттаперчей. Это—работа, тоже полная риска.

Нащупывая в воде отверстия на дне колодца, запальщик запихивает в них нужное количество динамитных патронов и сверху кладет боевой патрон с заделанным в него пистоном с фитилем. Таких отверстий бывает иногда больше пятнадцати. Когда все готово, то остается только зажечь фитили: запальщик подает сигнал кверху. Стучит: „готовы?“... Ему отвечают сверху сигналом: „готовы!“—„Палю“ (зажигаю) — стучит запальщик. — „Пали!“ отвечают сверху. Он зажигает фитили один за другим и для проверки считает. А что, если случится что-нибудь в работе? Тогда верная смерть. Уйти из колодца некуда...

А сколько рассказов слышал я, полных трагизма, полных порой такой красоты человеческого духа, о которой песни слагают поэты... Но здесь они проходят незаметно, и лишь изредка кто-нибудь расскажет о них.

Вот один из слышанных мной эпизодов:

В большой и глубокой шахте два запальщика изо дня в день палили „бурки“. Площадь дна шахты была велика, бурок бурили так много, что одному зажечь их было непосильно. Обычно „палили“ двое. И в этот раз зажгли фитили, как обыкновенно. Один окончил свою работу раньше и влез в бадью. Другой зажег последний фитиль своей половины зарядов и дал обычный сигнал: „качай веселей!“ схватившись за канат, чтобы вскочить в свой черед на края бадьи... Но то ли он оступился, то ли поторопился машинист дать ход машине,—только взвилась бадья кверху лишь с одним человеком. А тот, второй, остался внизу, среди горящих фитилей и готовых взорваться зарядов...

Однако, едущий опомнился быстро: ужас охватил его при мысли о гибели товарища по работе. На ходу схватил

он проволоку сигнала, ударил: „Стоп!“ И бадья остановилась — „Качай книзу!“... простучал сидящий.

Машинист был в недоумении. Но сигнал настойчиво стучал: „Качай книзу!“... „Качай книзу!“... Понимая, что там, во тьме, происходит какая-то драма, машинист пустил бадью обратно. Но готовый погибнуть запальщик не захотел принять братской жертвы. Быстро ударил он: „Качай кверху!“... И так несколько минут препирались они в глубине колодца и отдавали свою жизнь один другому. А фитили горели. И с секунды на секунду должны были взорваться снаряды...

Старший, видавший виды машинист понял, что произошло в черной бездне шахты... Со страшной скоростью спустил он бадью с человеком книзу. У самого дна задержал ее на два-три мгновенья и вихрем вынес кверху... И еще не показалась бадья над устьем шахты, как там внизу загремели взрывы... Но люди уже были вне их пределов...

В последние годы, когда появились электрические машинки для паления бурок, этот вид работы сильно сократился. В большинстве случаев бурки взрывают машинкою сверху. Но результаты таких взрывов хуже и потому на многих копях еще и сейчас палят бурки ручным способом.

Я рассказал только один эпизод из сотни запальщицкой жизни. А сколько я знаю других, жутких, кровью залитых эпизодов!..

На смену запальщику, когда слегка рассеются едкие динамитные газы, лезут разборщики разрушенной взрывами породы. Затем, когда порода убрана, лезут снова бурильщики, а их сменяют запальщики... И так изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц... Нет ни дня, ни ночи, ни праздников, ни будней, только по воскресеньям меняется порядок спуска. Вот и вся разница, приносимая концом недели.

Когда все подготовительные работы сделаны, то начинается добыча угля и доставка его на поверхность. Тут уже выступают новые категории рабочих. „Забойщики“ должны вырубать уголь и, в зависимости от толщины каменноугольного пласта, забойщик либо сидит на почве, подстилающей пласт, либо лежит на боку, с инструментом в руках. При слабом свете тускло горящей лампы, он отбивает удар за ударом порою очень крепкий уголь. Тонкая угольная пыль висит в воздухе, насыщенном копотью ламп, испарениями тела и сыростью, порой так сильно, что пламя лампы кажется красным и расплывчатым, как в густом тумане. В некоторых местах к этой смеси присоединяется „гремучий газ“, готовый дать взрыв от каждой искры. Труд забойщика очень тяжел и в то же время очень опасен. Он лежит на холодном камне, подстилающем уголь, и часто почва выделяет воду, и тогда он промокает насквозь. Лежит он, как в гробу, в неудобной позе, с запрокинутой головой, и рубит, и рубит... Каждый момент грозит обвалом... Каждый час, проведенный в забое, угрожает смертью...

Когда уголь нагружен в вагонетки, его откатывают к стволу шахты или колодцу, для подъема его на поверхность. Вагонетку отвозят вручную, если расстояние до колодца небольшое, а на далекие расстояния вагонетки отвозит лошадь. Это—тоже работа, полная риска. Сцепив семь-восемь вагонеток, нагруженных углем, „коногон“ впрягает в них лошадь. Сам он ложится грудью на уголь переднего вагона и вешает перед собой лампу. Лошадь мчится по узким извилистым, длинным галлереям к колодцу или „стволу“ шахты. Резко свистит коногон, понукая лошадь и предупреждая встречных пешеходов... Лязгают железные сцепки... Грохочут стальные рельсы... Колеблется, танцует пламя лампы... Стоящие по бокам подпорки сливаются в глазах коногона в общую массу при этом быстром беге. А если вышли по галлерее и, заслышав свист, втиснулись между

двух подпорок, этот своеобразный поезд вихрем проносится мимо... Сплетаются в неразрывный клубок лошадь, и человек, и вагоны, и невольно в душе вашей пробуждается страх... Чего боишься, — и сам себе не отдаешь отчета. То ли это инстинктивная боязнь столкновения с такой катящейся лавиной, которую остановить нет силы, то ли это страх за человека, лежащего там, на переднем вагоне, на грузе угля, потому что огромен риск этой работы. Вот сошел с рельс передний вагон, и коногон летит с разгона вперед по низкому ходу... Долетает головой до ближайшей подпорки и... конец...

Работа крепильщика не менее тяжела и опасна, чем работа коногона. Опасна потому, что ему приходится работать в местах, угрожаемых обвалом. И тяжела эта работа, так как часто приходится производить ее в условиях, требующих почти нечеловеческих усилий. Вот, например, крепление ходов, по которым воздух движется в шахту с огромной быстротой. Зимой там бывает так холодно, что положительно „душа застывает". А крепильщик работает полуодетый... Или крепление наклонной шахты во время добычи угля... По наклону бегают вверх и вниз вагонетки. Здесь же проложены паровые трубы, которые идут с поверхности к насосам. Наконец, здесь же выходит испорченный, обошедший все работы воздух. Жара тут стоит в 30° — 40°. Дышать буквально нечем. А крепильщики должны ставить тяжелые дубовые подпорки... Работают попарно, в одних штанах и опорках... Рубахи лежат на трубах. Проработав полчаса, бросаются стремглав к холодным ходам, мокрые от пота ложатся на сырую, холодную землю... Жадно пьют припасенную здесь холодную воду... Глаза мутны, грудь ходуном ходит. Пролежат минут семь-восемь и очнувшись, снова бегут к прерванной работе, чтобы через полчаса снова дойти почти до потери сознания... Изо дня в день, из недели в неделю так работают люди!.. Порою это не

работа даже, а подвиг, и когда думаешь об этом, то кажутся смешными вериги и другие испытания, налагаемые на себя подвижниками.

Вот, что я видел неоднократно в течение 1914—1915 и 1916 годов. Шло откачивание двух наклонных шахт, затопленных весенней водой, и третьей шахты, вертикальной. Жара у насосов стояла такая, что люди работали совсем голые. В одной из шахт вода была чрезвычайно едкая. Сапоги, вымокшие в этой воде раз пять или шесть, разлезались, как гнилая тряпка, а по всему телу образовывались ранки и нарывы. Всасывающий рукав лежал глубоко в воде, на расстоянии пяти — шести сажен от насоса. Исходящий пар выпускался тут же в воду, отчего вода сильно нагревалась. Притока свежего воздуха почти не было, так как все ходы для вентиляции были залиты водой... И в таких условиях люди работали по двенадцати часов!.. Чтобы не останавливать насоса и в то же время очистить конец всасывающего рукава, лежавшего под водой, дежурные слесаря ныряли в воду, опускались по трубе, лежащей наклонно на протяжении четырех — пяти саженей под водой, и очищали наконечник рукава от грязи... Представьте же себе, что значит такое нырянье! Ведь это не было нырянье в глубину реки, где можно вынырнуть, где угодно... Тут был только один выход и не вертикальный, а по наклону... И стоит вам растеряться, ошибиться направлением и — все будет кончено!..

Такое нырянье — обычная вещь на Донецких копях. Бывают нырянья сложнее. При мне слесаря разбирали под водой два насоса, при чем вода была так горяча, что рука моя едва терпела... А рабочие ныряли, развинчивали гайки, отнимали части насоса... Я следил за работой, отдавал приказания, а в груди у меня, выросшего в копях, видавшего всякие виды, привыкшего к горному делу, были тоска и ужас... Хотелось сесть и заплакать горькими, злыми слезами...

Надо ли говорить о том, какое значение в общественной жизни имеет жилищный вопрос? Давно известно, что в прямой связи с квартирным вопросом стоит и алкоголизм, и вырождение населения, и детская смертность.

В первом периоде развития горнозаводской промышленности в Донецком бассейне жилищные условия горнозаводских рабочих были убийственны. Вот, как описывают их официальные исследователи в 1883 — 85 годах.

„На Кашенском руднике рабочие помещаются в землянках, которые копаются и приводятся в жилой вид самими же рабочими. На поверхности земли они и незаметны, потому что покрыты землей. Размеры, воздух, нечистота таких помещений поистине ужасны"...

Та же картина наблюдается и на других рудниках. Каковы условия существования в этих жилищах — видно из того, что, „посещая для опроса землянки рабочих, мы в большинстве случаев не могли пробыть в них больше 2 — 3 минут, до того неприятен и тяжел в них воздух даже при открытых дверях — говорят исследователи, — но и в этой смрадной атмосфере живут не только взрослые, но и дети".

Нередко приходилось заставать в землянках бедных женщин, кое-как прикрытых лохмотьями, сидящих на голом земляном полу со штопаньем в руках, с грудным ребенком, валяющимся около на куче грязного и вонючего рванья. Тут же кудахтали куры, хрюкали поросята.

Таковы были жилищные условия горных и заводских рабочих Донецкого бассейна в 80-ые годы. С тех пор много воды утекло, многое изменилось, но в области жилищно-санитарной на рудниках Донецкого бассейна приходится отметить мало отрадного. Трудно представить себе что-нибудь более ужасное, чем жизнь в помещениях для рабочих. Теснота и грязь; лишь в редких случаях в домиках для семейных имеются деревянные полы, конечно, нигде нет фор-

точек и вентиляторов, сырость ужасная, холод и теснота. Там, где должен помещаться один человек, помещаются иногда до десяти человек. Просто трудно представить себе, как могли жить люди в таких условиях в начале XX столетия! И трудно вообразить себе более халатное отношение со стороны горнозаводской администрации. Почти ничего не было сделано до наступления переворота для упорядочения квартир и улучшения положения людей, благодаря труду которых выросла и развилась такая колоссальная промышленность, как горнозаводское дело Донецкого бассейна. В то время, как отдельные лица наживали миллионные состояния, горнозаводский рабочий продолжал жить в помещениях, до такой степени ужасных, что даже порой санитарная комиссия не решалась описывать их, так как помещения эти, по ее словам, были „мало пригодны даже для домашних животных", а люди в них жили, погибая от эпидемий, разрушая здоровье от сырости, от недостатка воздуха!.. После ежедневной двенадцатичасовой работы под землей, в душном и тяжелом воздухе подземных галлерей, рабочий, выйдя, наконец, на дневную поверхность, не имел возможности отдохнуть в нормальных условиях, не имел места, где бы он мог удобно вытянуть усталое тело и расправить свои онемевшие за полусуточный труд руки и ноги... Неудивительно, что рабочие говорили, что им и „в аду жить не страшно".

Теперь, когда горнозаводская промышленность начинает выходить из состояния развала, в каком она была до прочного овладения Донбассом Советской властью, предстоит произвести упорядочение и жилищного вопроса. Но упорядочить этот вопрос — далеко не просто. Для этого нужны деньги — колоссальные суммы; нужно огромное количество строительных материалов, каких нет пока в руках правления Донбасса.

Упорядочение жилищного вопроса стоит в плане работ. Уже не говоря о необходимости снесения и достройки за счет снесенных новых построек, необходимо увеличить число имеющихся жилищ.

Горнорабочие пытаются выйти из тупика жилищного кризиса своими средствами. Так, на рудниках гор. Шахты (бывший Александровско-Грушевский) „шахтерам отводятся места, даются материалы на постройку, и уж строят шахтеры сами. Хатки растут вокруг рудников, как грибы". Но это — не решение вопроса. Общая картина жилищного вопроса там, как и в других местах очень печальна. „В большинстве своем — пишет рабкор из г. Шахты — рабочие живут при рудниках в общих казармах, и только в трех новых рудниках имеются особняки для семейных. Еще в старое время большинство казарм требовало ремонта, а теперь многие из них совершенно негодны. Жилищные условия шахтера очень плохи: грязь, душно". Ненормальность положения жилищных условий устанавливают материалы особой комиссии Сто, работавшей в Донбассе... Жилищные условия жизни рабочих мало чем отличаются пока от дореволюционных.

Но все это дело временное. Уже и сейчас в ряде рудоуправлений Донбасса ведутся работы по упорядочению жилищно-санитарного вопроса. В строительный сезон 1923 года сделано довольно много для введения жизни горнорабочего в нормальное русло.

4. Опасности шахтерской работы и борьба с ними.

Опасно и трудно ремесло рудокопа, принужденного работать под землей. Там, в темной глубине, смерть сторожит человека на каждом шагу. Несчастья в шахтах происходят то от загоревшихся пластов каменного угля, то от наводне-

ний, вызванных потоками подземной воды, то от вредных газов, то от взрывов и обвалов, часто происходящих при подземных работах. Вот почему несчастные случаи представляют среди горнорабочих обычное явление: статистическими данными доказано, что в Донецком бассейне „каждый третий рабочий является заранее обреченной жертвой более или менее тяжкого несчастного случая". Когда же в копях случаются взрывы, то число погибших насчитывается сотнями.

В Англии было высчитано, что там из десяти тысяч рудокопов ежегодно погибает в шахтах двадцать три человека, а раненых и изувеченных на каждые десять тысяч приходится около двух тысяч. Другими словами: в Англии из пяти человек ежегодно один становится жертвой несчастного случая. А ведь там работы производятся на бо́льшей глубине, чем у нас, и, следовательно, сопряжены с бо́льшими опасностями.

Не все эти опасности неустранимы. Очень часто причиной несчастных случаев в копях являются: неправильное ведение работ, недостаток технических средств и преступная экономия при устройстве разных приспособлений, вследствие чего, ради увеличения доходов, предприниматели сознательно подвергают страшной опасности сотни человеческих жизней.

В свое время очень много шума наделала катастрофа, происшедшая в 1912 г. в Донецком бассейне на Горско-Ивановском руднике. За несколько дней до рокового случая, дежурный монтер заметил, что барабан подъемной машины дал небольшую трещину, и указал на то, что в таком виде пускать машину в ход чрезвычайно опасно. Администрация распорядилась прибить планку в том месте, где барабан дал трещину. Рабочие говорили, что ремонт был сделан спешно, „на скорую руку", и в таком виде машину пустили в ход. В нижнюю и верхнюю клеть уселось шесть человек рабочих. Едва нижняя клеть поднялась на двадцать сажен,

как раздался оглушительный треск. Барабан лопнул и рассыпался на куски. В момент катастрофы верхняя клеть находилась на расстоянии 80 сажен от шахты. С этой высоты она с головокружительной быстротой провалилась вниз, превратившись в осколки. Все находившиеся в ней рабочие были впоследствии найдены изувеченными до неузнаваемости, без всяких признаков жизни. Рабочие нижней клети не были убиты наповал и отделались тяжкими поранениями, переломами ног и рук. Одному из них оторвало обе ноги... Добытые следствием данные и показания очевидцев с неопровержимой ясностью доказали, что виновниками этого ужасного дела является администрация рудника. Из допроса выяснилось, что инженер ответил рабочим, заявившим о непригодности машины: „спаяйте кое-как, а ремонт мы сделаем после спуска рабочих в шахту". Нечего и говорить, что здесь мы имеем дело с экономией, граничащей с преступностью; „экономия проникает всю систему рудничного хозяйства... лиш бы удешевить" — вот девиз этой системы... Ремонтировать машину до спуска смены — это значит остановить работу на 12 часов и не выдать в эти двенадцать часов ни фунта угля... Значит, лучше рискнуть жизнью шахтеров, чем удорожить месячную отчетность [1])...

История горнозаводского дела полна такими кровавыми страницами, рассказывающими о гибели рудокопов, становящихся жертвами то стихийных бедствий, то человеческой небрежности и алчности.

Самая страшная катастрофа в копях произошла во Франции, в Курьере, в 1907 году, где погибло от взрыва газа больше 1200 человек. Немногим лишь удалось спастись, претерпев страшные мучения в темных подземельях шахт. Они пробыли двадцать дней без пищи, без воды, без света, в воздухе, насыщенном ядовитыми газами от разлагающихся

---

[1]) Либерман. «В угольном царстве».

трупов своих товарищей. Только через двадцать дней откопали заживо погребенных рудокопов. При этом нельзя не отметить трогательный факт братской помощи, оказанной во время этой катастрофы французским рабочим их немецкими товарищами. Узнав о постигшем их несчастьи, немецкие углекопы поспешили в Курьер и, рискуя жизнью, начали откапывать своих товарищей. Это далеко не единичный случай. Читая описания катастроф в копях, невольно поражаешься самоотверженностью, проявляемой рудокопами в минуты несчастья, постигающего их товарищей. Как бы ни была слаба надежда спасти кого-нибудь из них, среди рудокопов всегда находятся люди, готовые при первом известии о случившемся броситься на помощь, рискуя собственной жизнью.

Только что описанная катастрофа в Курьерских копях произошла от взрыва особого газа, называемого рудничным или гремучим газом; он состоит из соединения водорода с углеродом и выделяется в каменноугольных копях. Смешиваясь с воздухом, этот газ от прикосновения горящего предмета воспламеняется и производит опасные взрывы. Зажженные лампочки, не снабженные приспособлениями, и бывают причиной гибельных взрывов.

Не меньше опасностей для работающих под землей представляет и другая стихия — вода. Как могут бороться с ней рудокопы, когда бурный поток, прокладывающий себе дорогу в глубине земной коры, внезапно врывается в шахту и затопляет ее?

Лет шестьдесят тому назад, поздней осенью, в каменноугольных копях во французской провинции Гар было замечено, что глубокая трещина в скале, находящейся над рудником, наполняется водой. Опытные люди поняли, что в копях происходит наводнение, и стали принимать все меры к тому, чтобы запрудить подземную реку, задержать ее стремительный напор и спасти хоть часть шахт с работающими

в них людьми. Один из инженеров вошел в подземную галлерею и начал постукивать в ее стены, прислушиваясь, не раздастся ли в ответ какой-либо звук. Но в темных галлереях все было пусто и безмолвно, как в могиле. Можно было подумать, что все 139 рудокопов, спустившихся накануне в копи, погибли.

На другой день поиски возобновились. Приложив ухо к стене и затаив дыхание, люди стали различать удары, странно слабые, но частые и мерные. Не оставалось ни малейшего сомнения — это был призыв углекопов, оставшихся в живых и молившихся о помощи.

Дальнейшее расследование показало, что пленники были отделены от своих спасителей глыбой, по крайней мере, в 15 сажен толщиной. Ее тотчас же принялись отрывать. По прошествии трех дней с людьми, отделенными от остального мира, можно было уже переговариваться, так как стена, за которой они находились, становилась все тоньше. „Нас здесь трое", раздается едва слышный голос. Миновали мучительных 78 часов, проход к пленникам открыт, и пред глазами взволнованных товарищей очутились два человека: рыдавший мальчик и молодой углекоп, дрожавший от лихорадки. Третий, всего несколько часов назад, отчаявшись в спасении, сам бросился в яму, наполненную водой. Но это еще не все. Целая группа несчастных осталась в глубине копей заживо погребенными. Через тринадцать дней, копая колодезь для спуска в шахту, рабочие услышали крики. Быстро прорыли тонкий слой, за которым находились пленники, и опытный углекоп спустился к ним на дно глубокой шахты. Две фигуры бросились к нему и стали цепляться за его одежду, боясь выпустить ее из рук. А вот и третий узник! Это ребенок, которого рабочие зарыли в уголь, чтобы ему было теплее. Выйдя из своей могилы, несчастные рассказывали, что они не имели понятия о том, как долго они пробыли под землей. Для утоления голода им приходилось

глотать гнилые щепки, валявшиеся в руднике; жевали они также и свои кожаные пояса, остатки которых носили явные следы зубов этих несчастных людей.

Но как ни ужасны последствия взрывов, пожаров и наводнений в копях, все же самое большое число несчастий происходит не от этих причин, а от обвалов, которыми часто заваливаются выходы из подземных галлерей, так что углекопы оказываются там задавленными или же замурованными, заживо погребенными. Среди углекопов сохранился рассказ о шахтере Жиро, который провел 30 мучительных дней на дне колодца в шахтах близ Лиона. Жиро с товарищем чистил колодезь, и в самый разгар работы повалились края колодца, завалив его глыбами земли. Жиро и его товарищ очутились погребенными в тесном подземелье. Рудокопы, остававшиеся наверху, принялись рыть новый колодезь, чтобы из него добраться до узников. Но, несмотря на все старания, землекопам понадобился целый месяц, чтобы закончить работу. С трепетом и надеждой прислушивались погибавшие к звукам лопат и голосам своих спасителей, но смерть уже подстерегала их. Через несколько дней умер товарищ Жиро, и бедняга остался в своей могиле один, бок-о-бок с разлагающимся трупом. Когда землекопы проникли, наконец, на дно обвалившегося колодца, они остановились в ужасе: перед ними был труп, почти совершенно разложившийся, а около него полумертвый человек, вынесший весь ужас месячного заточения в этой могиле. Перенесенные лишения так надломили организм Жиро, что он вскоре умер.

При рассказах о тех опасностях, каким постоянно подвергаются рудокопы, невольно возникает вопрос — неужели ничем нельзя предотвратить их?

Разумеется, люди труда и науки давно задумываются над этим вопросом, давно ищут средств обезопасить подземные работы, и немало уже удалось им сделать в этом отношении. Для предупреждения взрывов рудничного газа, рудо-

копам дают лампы, в которых огонь закрыт двойной проволочной сеткой. Газ, попадая внутрь лампы, сгорает внутри мелкими взрывами, которые не передаются наружу. Но если в шахте скопилось много газа, то от происходящих непрерывно маленьких взрывов сетка лампы настолько раскаляется, что взрыв может произойти от одного только соприкосновения гремучего газа с сеткой. Присутствие гремучего газа легко обнаруживается тем, что он окрашивает в голубой цвет огонь предохранительной лампочки, и тогда шахту немедленно надо провентилировать, чтобы уменьшить содержание газа в воздухе.

Для предупреждения обвалов устраивают деревянные скрепы и подпорки, которыми поддерживаются пласты, готовые обвалиться и рухнуть. Для откачивания воды из рудников в них постоянно работают насосы, которыми она выкачивается; а особыми вентиляторами, устроенными на поверхности земли, в подземные галлереи постоянно доставляется свежий воздух и вытягиваются из них испорченные и удушливые газы. Наконец, в отдельных помещениях над копями устраиваются „спасательные станции“, где дежурят люди, готовые каждую минуту притти на помощь рудокопам, которым грозит беда. В последние годы употребляются особые спасательные аппараты, которые надевают люди, чтобы спуститься в рудник после взрыва или пожара для спасения своих товарищей. Организованы даже особые спасательные артели из людей, обученных действовать в таких аппаратах и умеющих оказать первую помощь погибающим. Но еще раньше, чем прибудет на место катастрофы такая артель, в шахту уже бросаются рабочие без всяких аппаратов, чтобы спасать своих товарищей.

Все эти меры предупреждают много несчастий в копях и спасают жизнь сотням и тысячам людей. Но, к сожалению, нельзя сказать, чтобы, благодаря им, шахтеры были теперь в полной безопасности.

Отдел II.

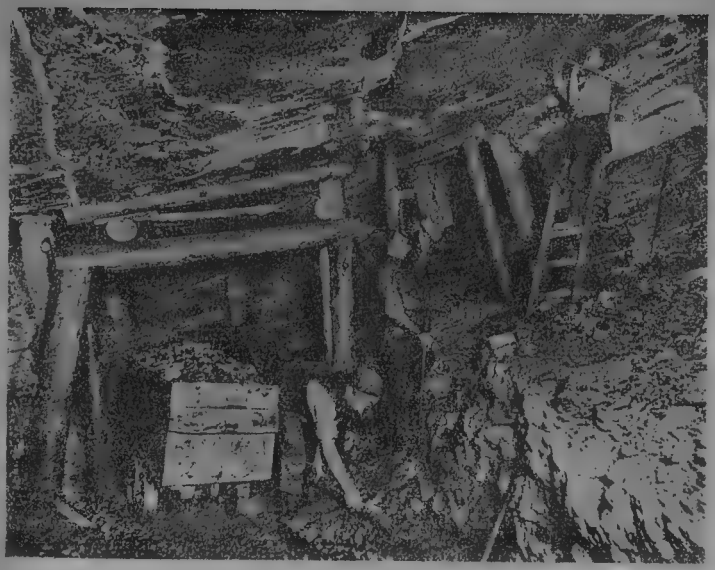
1. Песнь о каменном угле.

В утро мира, на просторе сером
Первозданных отмелей и гор
Звери не гнездились по пещерам,
Человечий не пылал костер.
Шли леса, и отступали степи
Перед их щетинистой стеной,
Шли леса во всем великолепьи
Диких сил и щедрости земной.
Но избытку жизни нет пощады...
На земные буйные сады
Ринулись моря, как водопады,
Северные яростные льды.
Замело песками разрушенье,
И земли сомкнулся черный зев,
Где легли могучие растенья,
Под пятой веков окаменев.

Было солнце молодо и щедро,
Много соков выпила земля
Для того, чтоб каменные недра
Узкостенной шахтой просверля,
Человек, дробя, взрывая руды
В злой щели, где тяжело дышать,
Из скалы скупой и крепкогрудой
Мог киркою уголь высекать.

Взвесь в руке кусочек антрацита!
Это каменная кровь земли.
Много в ней былого солнца слито,
Чтобы мы вернуть его могли.
Жизнь идет к блаженному становью.
Гул машин, турбины, провода...
Это уголь солнечною кровью
Движет сердце братского труда.

Всеволод Рождественский.



2. Спуск в шахту.

Из рассказа А. Серафимовича.

I.

Мы вошли в большое кирпичное здание, напоминавшее собой казармы, фабрику или завод. Узкие почерневшие окна почти не пропускали света. Было грязно, скользко, сыро, а по каменному, из плитняка, полу хлюпала вода. В полумраке, уходя вверх, тянулись, встречаясь друг с другом, какие-то трубы, канаты, балки. Я все боялся провалиться в шахту, которая представлялась мне почему-то просто дырой в полу, и с напряжением и с усилием пробирался в полутемноте, потому что со свету почти ничего не мог разобрать.

Возле ходили какие-то люди, черные, насквозь пропитанные углем, свободно и легко ориентируясь, как давно освоившиеся с обстановкой и месторасположением.

— Эй, да где же старший рабочий?—крикнул наш провожатый.

Что-то огромное и громоздкое с гулом и железным грохотом, заглушая голос нашего проводника, тяжко ударилось обо что-то металлическое, и все кругом дрогнуло и зазвенело.

— Где это мы?—крикнул я, стараясь покрыть гул работавшей машины.

— Шахта.

Я осторожно пододвинулся. Огромный мощный сруб подымался из глубины вплоть до крыши. В нем ходила на цепях клетка.

Четырехугольное темное отверстие, как могила, мрачно и угрожающе чернело из-под него. Мне показалось, что оттуда тянуло холодом и сыростью.

— Пожалуйте в контору, — проговорил наш вожатый.

Он провел нас в большую, грязную комнату, занятую столами с разбросанными по ним планами, чертежами, картами, образцами угля.

— Ну, что же, есть у вас во что одеться? Ведь, так нельзя спускаться в рудник. Придется вам дать рабочий костюм.

Принесли неимоверно грязи куртку, шаровары и колоссальные сапоги, должно быть, из мамонтовой кожи; они не сгибались в ступне.

Мы переоделись. Нам подали по стеариновой свече. Это напомнило, что больше мы не увидим дневного света, и легкая не то тревога, не то ожидание чего-то шевельнулось в душе.

К нам подошел старший рабочий, гигант, с добродушно-угрюмыми чертами серого, точно чугунного лица, на котором, резко выделяясь, ворочались белки глаз. Он был черен, как эфиоп.

— Пожалуйте — проговорил он, обнажая, как кипень, белые зубы, которые так же резко, и даже неприятно резко, выделялись на его иссеро-черном лице.

Мы опять пришли к шахте. Клетка с треском и визгом только что подошла снизу. Из нее вышли двое рабочих

и быстро и ловко выкатили из верхнего отделения вагончик, доверху нагруженный углем.

— Ну, садитесь.

Мы секунду помялись, уступая друг другу дорогу. Не то что ощущение страха, а какое-то тайное стремление не отдаваться первым неизвестной, посторонней и неверной силе беспокойно шевельнулось в душе.

„Каждый день тысячи народу спускаются“ — мелькнуло у меня, и я влез в клетку, сел на корточки, согнулся и съежился весь в комок, — так она была мала и узка, напоминая собою те клетки, в которых по ярмаркам развозят зверей содержатели кочующих зверинцев. Ноги разъезжались в скользкой черной грязи. Ощущение не то холода, не то сырости охватило все тело. Ко мне влез мой товарищ, а остальные разместились в верхнем отделении. Зажгли свечи. Откуда-то сверху на шею капала холодная вода, неприятно пробираясь за воротник, и попадала в пламя свечи, которая от этого шипела и трещала.

Возле толпились рабочие и служащие.

— Держитесь дальше от стенок — крикнул кто-то, наклоняясь к нам. — Клетка с боков не забрана, вплотную идет по срубу; захватит руку — вырвет; прислонитесь спиной — из спины клок вынесет.

Перспектива была не из приятных, и я, и мой приятель изо всех сил стали подбирать руки, ноги и спину, стараясь все это поместить посредине, подальше от проклятых стенок.

— Наверху скобки есть, за них держитесь.

Мы пошарили и уцепились за скобки.

— Ну, готово!

Я видел, как рабочий, быстро наклонившись, два раза качнул длинный стержень. Где-то со звоном ударило в медную доску, машинист в другом отделении пустил машину, нас встряхнуло и против всякого ожидания стало подымать вверх. Но клетка сейчас же остановилась, на секунду по-

висла, вызывая тягостное сознание уходившей под нами темной глубины, и вдруг ринулась вниз без толчков и сотрясений; люди, балки, окна, трубы, длинный стержень, красный отблеск отсвечивавших на мокром полу лампочек, — все мгновенно, точно подхваченное страшною силой, понеслось вверх и моментально скрылось в густо наступившей темноте.

В ушах появилось странное ощущение, точно воздух изнутри с силой распирал барабанные перепонки. Мне чудилось, что я оглох, но я отчетливо различал все звуки. Первое время я чувствовал по легким толчкам и по тому, как из-под ног словно уходили доски, что мы быстро двигаемся вниз, но вдруг ощущение движения пропало и в следующее мгновение мне уже почудилось, что мы несемся вверх.

— Что это?

— Это так кажется.

Но ощущение движения вверх все продолжалось. Я осторожно повернулся и поглядел на стены сруба; они со страшной быстротой бежали вверх, сливаясь желтою полосой и сверкая на пламени свечи тонкими ручейками бежавшей по ней воды, и истинное впечатление движения сейчас же вернулось. Я все с напряжением старался удержать свои руки, ноги и спину, чтобы они не притронулись как-нибудь к этим грозно убегавшим стенкам. Мой товарищ, вероятно, испытывал то же, и мы жались друг к другу.

Вдруг нас толкнуло, наша клетка ударилась обо что-то и остановилась. Красноватые дымные огни среди густой тьмы мрачно горели, точно факелы в глухую полночь. Темные силуэты людей вырисовывались смутно и неопределенно: клетка опустилась вглубь на шестьдесят саженей.

II.

Мы торопливо вышли, с облегчением ощущая под ногами твердую почву. Тяжелый мрак висел кругом. Нельзя было

рассмотреть окружающей обстановки; все предметы тонули в непроницаемой мгле. Сводов рудника не было видно. Красные огни ламп, дымя и колеблясь, с трудом боролись с густым мраком, не будучи в состоянии отодвинуть его и лишь освещая небольшой кружок. Люди сразу выростали из темноты и также сразу пропадали, лишь только делали несколько шагов в сторону.

Издали послышался характерный гул бежавшего по рельсам вагончика. Он все приближался; стали слышны мерные удары копыт трусившей рысцой лошади, но в кромешной тьме никого не было видно. И только, когда по звуку казалось, что вагончик накатывается совсем уже на нас, перед самым лицом выставилась лошадиная морда, потом спина, круп и бежавший за ней железный ящик на колесах. С него соскочил рабочий и стал торопливо в темноте отстегивать постромки. Стоявшие возле несколько человек подхватили вагончик и дружно вкатили в клетку.

То там, то здесь стали обозначаться в темноте красноватые точки. Они понемногу увеличивались, разрастаясь вблизи в неровное колебавшееся пламя лампочек, от которого черным клубом бежал удушливый дым. Это—рабочие шли к подъему.

Рабочий наскоро составлял поезд из пустых вагончиков, который должен был пойти за углем. Люди торопливо устанавливали по рельсам вагончики, представлявшие собой длинные железные ящики на колесах, и впрягали лошадь.

Я подошел к стенам и, подняв высоко свечу, стал их рассматривать. Они были черны, и вода сочилась из них, как из губки. Я дотронулся рукой, на пальцах остался черный след сажи. Мне вообразилось, что это и есть каменный уголь.

— Это каменный уголь? — обратился я к провожатому.

— Нет, это пустая порода, обыкновенный камень. Здесь на несколько верст кругом нет угля, выработан. А это сажа оттого, что лампочки коптят, так копоть и садится. До выработки версты три будет с лишним. Да вот садитесь, сейчас и тронемся.

Мы с приятелем забрались в один из вагончиков. В нем было, как и везде кругом, сыро, грязно, скользко. Липкая черная грязь покрывала дно и стенки, липла к одежде и едко проникала кожу рук и лица. Вдоль всего поезда поверх вагончиков лежала цепь, которой они скреплялись. Мой товарищ было взгромоздился на нее — не хотелось сидеть в грязи и воде.

— Нет, вы слезьте оттуда, проговорил подходя рабочий, — и пригибаться надо, а то есть места, где свод к самому вагончику спущается, так ушибить может, а то вовсе голову на сторону сшибет.

Приятель торопливо слез и уселся на дно.

— Трога-ай!

Слышно было, как застучала по мокрому камню, скользя и упираясь, лошадь. Цепь натянулась, с визгом пошла поверх вагона сначала в одну сторону и больно ударила меня в бок, потом в другую и угостила товарища; мы ухватились за нее руками; при всем напряжении не было сил удержать ее, и при каждом повороте она, скользя и повизгивая, угощала поочереди то одного, то другого; мой приятель крякхтел и ворочался, приспособляясь к положению, а я напрягался, чтобы смягчить удар. Вагончики, торопливо покачиваясь и толкаясь, послушно и гулко бежали друг за другом.

Поезд состоял всего из трех вагончиков, но нам не было видно впереди ни лошадей, ни других вагонов — непроницаемый мрак тесно обступал со всех сторон и, казалось, бежал вместе с нами.

Это было странное путешествие. Мы сидели с товарищем вдвоем, точно в отдельном купэ. Ни стен, ни свода не было видно. Слышался только однообразный гул колес, мерный стук копыт, да цепь на поворотах любезно давала о себе знать. Приготовляясь спуститься в шахту, я рисовал себе что-то необычайное, фантастическое, поражающее, но собственно до сих пор ничто не произвело такого впечатления,

Грязь, сырость, вода, рельсы, железные ящики на колесах, лошади, лампы, рабочие, — все это пока было обыкновенно и просто.

Сколько времени мы ехали и какое расстояние проехали, нельзя было сказать. Ощущение времени, пространства и направления пропало. Казалось, мы с гулом, шумом, треском толклись в этом неподвижном мраке на одном месте. У меня совершенно отнялась способность ориентироваться.

Порою только, когда из темноты выставлялся конец лопнувшей балки, или рассеянное тягой пламя лампочки вспыхивало ярче, и тяжелые массивные своды показывались над самой головой, медленно отходя назад, становилось очевидным, что мы едем вперед.

— Поостерегитесь! — послышался впереди голос, глухой, сдавленный этими нависшими громадами.

Мы съежились. Пламя свечи у меня вытянулось, на секунду раздвинув озаренный кружок, и мы увидели мелькавшие над нашими головами ребра и выступы спустившегося к самым вагончикам свода. Подними голову только на полдюйма, и черепа как не бывало. Мы это ежесекундно помнили и старались сколько возможно глубже сесть в вагончик и напряженно подгибали голову.

С нашим поездом стало делаться что-то особенное. Нас страшно качало, бросало в стороны, вагончики, гремя железом, сталкивались, — цепь сразу ослабевала, и они почти останавливались, потом мгновенно натягивалась, и вагоны летели друг за другом, сломя голову.

Особенно страшно было на поворотах. Среди гула и грома вдруг выступает из темноты изрытая, неровная, темная масса, слабо играя влагой на колеблющемся отблеске почти потухающей свечи. Впереди по звуку слышно, как вагончики бросились куда-то влево, а наш, звеня ослабленною цепью, несся прямо на неподвижную, тяжко придавленную сводом громаду, еще мгновение... но тут цепь натягивается,

как струна, с визгом и скрежетом срывает нас в сторону, на другой путь, вагончик боком чертит о камни, мы ныряем в какую-то темную, сырую дыру. Лопни цепь или сойди вагон с рельсов, мы бы разбились вдребезги. Я одною рукой держался за край стенки, но после первого же такого казуса отнял руку: может раздробить кисть.

Впереди все время слышны мерные удары копыт, — лошадь бежит небольшой рысцой, но от толчков, стука железного грохота и раскачиваний нам теперь кажется, что мы несемся в этой кромешной темноте со скоростью курьерского поезда.

— Ехать ничего себе — говорит мой товарищ, — только скоро ли мы доедем?

— Должно быть... — ах, черт...

Говорить опасно, того и гляди на толчке откусишь язык.

От напряжений и усилий обороняться от проклятой цепи начинает сказываться утомление. Да и внимание постоянно раздваивается: караулишь цепь, которая упрямо ходит по всему вагону, а с другой стороны, постоянно помнишь, что, чуть поднимешь голову, ее моментально размозжит о выступы свода, и это утомляет.

III.

Я приготовился долго сидеть в таком положении, как вдруг наши вагончики, громыхая железом и наталкиваясь один на другой, остановились.

Впереди замелькал красноватый огонек лампочки.

— Что такое?

Хотя мы и были уверены в безопасности, но некоторая напряженность и ожидание случайности постоянно таились в глубине души — вдруг обвал, или вода прорвется, или свод осядет.

— Разъезд — спокойно говорит рабочий, приближаясь своею огромной фигурой и держа на длинной проволоке лампочку, которая дымит над самою землей, — поезд с углем пойдет навстречу.

Мы выходим, с наслаждением расправляя окоченелые члены.

— Далеко он еще?

— Не слыхать.

— А ехать нам много?

— Да полпути сделали. Теперича немного проедем, а там пешком по диагональному ходу придется итти.

Стали дожидаться. Кругом все та же сумрачная, молчаливая мгла. Возле, слабо выделяясь из темноты, неподвижно стоит лошадь, понуро опустив голову и не шевеля ни одним мускулом.

Необычайная обстановка, постоянно удручающее сознание нависнувших над головою масс, отрезанность от остального мира, утомление и неясное ожидание чего-то угнетающе действует на сознание, и в голову ничего не идет, и не находишь и не знаешь, о чем говорить.

Я чувствую, как сырость проникает до костей. Отсыревшая фланель тяжелеет и виснет по телу. Да и немудрено: вода сочится со стен, со свода, капает и бежит тонкими ручейками, как из рассохшейся бочки, и ее день и ночь откачивают. Влажность так велика, что пот не испаряется, и оттого так тяжело работать и дышать.

Густая тьма все также напряженно молчаливо стоит вокруг, таинственно скрывая все, что совершается впереди. Ожидание становится томительным. Я делаю несколько шагов. Рельсы слабо посвечивают под ногами. Мысль, что нас засыплет или прорвется вода, становится все более и более вероятной.

— А что, тут с рабочими часто несчастья случаются?

— Да, почитай, недели не пройдет, кого-нибудь либо придавит, либо убьет, или водой захлестнет.

— Как давно последнее было?

— Да недюже давно. С недели полторы, либо две, чтоб не соврать, одному череп расшибло.

— Как же это?

— Да вагончики гнал груженые. Известно, человек истомится, все одно, все одно и то же, кругом темь, лошадь впереди трюх-трюх, трюх-трюх, ехать долго, лежит он на пузе на углю, цепь это под ним тоже беспокоит, и все надо помнить, голову как ни моги, больше нагибать, — ну, не поостерегся, тьма, не видно, и вдарился на всем ходу, свалился с вагончика, а другой углом ему в голову, череп и разбился. Лошадь ушла, а он лежит. Как раз идут рабочие, смотрят, человек маячит, подходят, а это он. Взяли, отнесли к шахте, в клетку и наверх.

— Что же, умер?

— Как же, голова расселась, мозги вытекли.

Рабочий крючком, который висит у него на поясе, начинает вытаскивать фитиль в своей лампе и расковыривает его. Пламя трещит и разгорается сильнее. На землю падает керосин огненными горящими струйками.

Я хожу возле вагончиков. Человек с разбитым черепом мерещится в темноте.

— Может быть, мы напрасно и дожидаемся?

— Никак идет — говорит рабочий в ту минуту, когда я уже меньше всего ожидаю, подымаясь и выростая своею мощною фигурой.

У меня точно камень сваливается. Я напряженно вслушиваюсь — ни один звук не нарушает могильной тишины; но теперь эта неподвижность уже не пугает — я знаю, впереди живое существо.

Только немного погодя, из мрака доходят слабые звуки бегущих вагончиков. Ближе и ближе. Наша лошадь настораживает уши. Я отхожу к сторонке. Вместе с чувством облегчения кругом становится как бы просторнее и виднее.

То, что давило за минуту угрозой и таинственностью невидимой силы, куда-то отступает. Вагончики погромыхивая, бегут уже совсем близко, и из-за их монотонного гула явственно слышатся мерные удары подков, но никого не видно.

Я подымаю свечу. Из темноты, совсем возле, показывается лошадь. Меня обдает теплотой живого тела. Лошадь трусит неуклюже и тяжело, мерно в такт ударам копыт, потряхивая головой и шеей.

„Мне все равно... даже и в этом непроглядном мраке надо без устали работать" — как будто говорят ее печальные, давно не видавшие дневного света глаза, заложенное назад ухо и вся кроткая, безответная фигура гнедой масти. Следом один за другим выкатываются из темноты вагончики и сейчас же вслед за лошадью опять погружаются во мрак.

Мы остаемся опять одни.

Рабочий возится у лошади. Гул уходящих вагончиков слабеет все больше и больше. Замирают последние звуки. Мрак угрюмо и враждебно опять надвигается со всех сторон, и в сердце проникает прежнее ощущение холода, одиночества, отрезанности и постоянно давящей неотвратимой мертвой силы. Узкий колеблющийся кружок красноватого света вокруг нас, вздрагивая, с усилием борется против надвигающейся синеватой мглы.

Мы садимся, проезжаем саженей сорок-пятьдесят и опять выходим. Тут ход упирается в стену и дорога разветвляется направо и налево.

IV.

Наш поезд с одним из рабочих, погромыхивая и постепенно замолкая во мраке, уходит направо. Я приготовляюсь итти по левому проходу.

— Нет, нам не туда, — говорит рабочий, делает несколько шагов в сторону и, приподняв, посвечивает своею лампочкой.

В стене обнаруживается неподвижно черная, узкая в полчеловеческого роста дыра.

— Вы нагинайтесь, пожалуйста, нагинайтесь, как ни моги больше нагинайтесь, — говорит рабочий, стараясь придать возможно больше убедительности голосу, — это теперича по диагональному ходу нам итти, а там и работы скоро.

И, согнувшись почти вдвое всею своею громадною фигурой, он шагнул в эту мрачную дыру.

Я тоже согнулся и последовал за ним, низко опустив свечу. Внизу блеснула вода. Ноги с усилием и судорожным напряжением ступали по изрытому неровному дну, ежесекудно обрываясь и скользя по острым камням и ребрам выбитой каменной породы и с шумом разбрызгивая холодную воду, которая неприятно обдавала все лицо. Колени мои приходились почти в уровень подбородка, и я шел наклонившись вперед всем телом, спотыкаясь и поминутно теряя равновесие, и тяжело дышал от напряженных усилий не убиться и от непривычного согнутого положения.

Все опасности, обвалы, наводнения, впечатления пройденного пути и ожидание чего-то нового — все было вытеснено из сознания мучительным физическим напряжением.

Я совершенно позабыл о своем товарище, который шел позади и, вероятно, точно также бился в этой проклятой дыре, и лишь поспевал за рабочим, который проворно уходил все дальше и дальше.

Наше путешествие в вагончике с цепью казалось теперь верхом комфорта. „Видно, отсюда уж и не выбраться!“ — с отчаяньем мелькало у меня, и я продолжал механически переставлять ноги, скользя и поминутно хватаясь за влажные скользкие стены, от которых пробегали по всему телу холод и судорожная дрожь. Низко опущенная голова все

больше тяжелела, наливаясь кровью, и поясницу невыносимо ломило.

Неодолимое желание хоть на секунду разогнуться, расправить смятые, сдавленные легкие неотступно преследовало, но не хотелось просить остановиться, и я напрягал все силы, чтобы не отстать от рабочего, который, как ни в чем не бывало, торопливо шел, и его огромная спина низко проходила под самым сводом, а из-за темной фигуры слабо отсвечивал отблеск лампочки.

— А-а!.. Чорт!..

Я присел. Кто-то с силой чем-то тупым и тяжелым ударил меня по голове. От неожиданности я судорожно закрыл глаза и миллионы синих искр посыпались в темноте, моментально потухая. В то же мгновенье заныла невыносимая сверлящая боль, выжимая слезы, точно у меня ворочались в мозгу. Шапка вдруг сделалась тесной и стала неловко сидеть на голове.

— Нагинаться надо! — участливо и с беспокойством проговорил рабочий, присаживаясь возле на корточки.

— Больно зашиблись?

— Что, больно? — осторожно подходя и низко сгибая спину, спросил приятель.

Мне было и смешно и совестно, и бессильная злоба душила, так бы и избил кого-нибудь, но виноватого не было.

— Длинный этот проход? — спросил я, желая переменить разговор и чувствуя, как все больше вздувается шишка.

— Триста саженей. Теперь скоро.

— Ну, пойдемте, проговорил я так, как будто они были виноваты.

Мы опять согнулись и пошли гуськом. Сильная боль заглушала на время острое ощущение усталости, и я продолжал с равнодушием отчаяния болтаться в воде, спотыкаясь и рискуя ежеминутно убиться, ударившись о выступ стены.

Где мы были, много ли осталось, сколько прошли, какие повороты делали, был ли теперь день или ночь, — я ничего не знал. Все те же каменные мертвые громады, совсем нависшие и узко сдвинувшиеся, — до того узко, что все время я бился коленями с той и другой стороны. Ничто не менялось вокруг, и даже мрак, казалось, с трудом пробирался за нами, потому что слабый, мерцающий огонь свечи справа и слева у самого лица освещал влажный нависший камень.

Сколько времени мы шли, я не знаю. Боль в пояснице, напряжение, усталость достигли того предела, когда становится все равно и думаешь: „Ну, еще, еще, — пусть так, пусть еще!..“

Однако, всему бывает конец. Шедший впереди рабочий внезапно исчез во мраке. Я испугался, и, напрягая последние силы, торопливо выбрался из прохода.

За поворотом блеснула лампочка рабочего. Он стоял во весь рост и дожидался нас. Я выпрямился и всею грудью вдохнул кислый, пропитанный гарью воздух.

Подошел и товарищ. Мы постояли с минуту. Мрак опять надвинулся со всех сторон; свода не было видно. Под ногами ощущались рельсы. Я стал различать тупые, далекие удары, глухо и подавленно доносившиеся откуда-то из глубины этого мрака.

— Посторонитесь, пожалуйста, — проговорил рабочий, поднимая лампу.

Мы прижались к мокрой, скользкой, холодной стене; мимо, на минуту освещенный лампочкой, прокатился вагончик, доверху нагруженный углем. Рабочий, скользя и упираясь ногами и хрипло дыша, с низко опущенной головой, катил его, толкая сзади. Это вручную перевозили уголь до того пункта, откуда он уже шел лошадиною тягой.

Мы пошли дальше. Удары во что-то вязкое, странный глухой шорох и смутный шум доносились во мраке все явственнее.

Галлерея опять дошла до глухой стены и влево снова открылся узкий и низкий ход. Рабочий, согнувшись и низко опустив лампу, пролез туда. Мы последовали за ним.

V.

Сквозь густую мглу впереди в десятке саженей мелькнули красноватые огни ламп. Удары и характерный осыпающийся шорох теперь явственно неслись оттуда.

Свод понижался все больше и больше; рабочий опустился, наконец, на колени и полез на четвереньках; мы сделали то же и через минуту очутились среди странной, невиданной дотоле обстановки. Узкий проход раздался, уходя в обе стороны в темноту, а сверху, на расстоянии всего трех четвертей аршина, ровно и гладко тянулась пустая порода. Короткие стойки, плотно упираясь рядами в верхний и нижний пласты, странно белели древесиной среди этой непривычной обстановки, поддерживая огромную, давившую их тяжесть в миллионы пудов. Здесь даже согнувшись нельзя было ходить и только можно было передвигаться ползком. Это было место выработки угля. Со всех сторон, дымя среди тяжелой, густой мглы, слабо и с усилием горели лампы, и сквозь дым там и сям смутно виднелись скорчившиеся фигуры молча работавших или пробиравшихся на четвереньках между стойками, рабочих. Воздух, пропитанный гарью, дымом и испарениями человеческих тел, был сладковато-приторен и сильно нагрет. Шум врубающихся топоров, осыпающийся шорох угля, учащенное, прерывистое дыхание работающих людей наполняли это глухое подземелье.

Я прополз дальше между стоящими по пути подпорками. Металлический излом антрацита при слабом меркнувшем пламени ламп бросался в глаза. Мощный пласт его в полтора аршина толщины залегал здесь, зажатый сверху и снизу между каменными породами и его оттуда надо было

добывать. И я невольно с каким-то смешанным чувством удивления и почти страха глядел на эту поблескивавшую на лампах мертвую поверхность уплотненной массы, требовавшей от людей таких усилий, напряжения и риска. Ощущение висевшей над головой тяжести давило. Достаточно было малейшего сдвига почвы, сотрясения, просачивания воды или встречи мягкого грунта, чтобы вся эта страшная масса, раздробив в щепы подпорки, опустилась до самого пола.

Вязкий глухой удар раздался возле меня, и в то же мгновение черная туча осколков угля обдала мне лицо, больно просекая кожу. Я отшатнулся в сторону. Шагах в трех от меня рабочий врубался в каменноугольную массу, отделяя ее от пола. Он лежал на левом боку и частью на спине и, держась обеими руками за длинную рукоять особенного удлиненного топора, с усилием взмахивая им над самым полом, болезненно содрагаясь всем телом от крайне неловкого положения и усилий попадать в одно и то же место; голова тянулась за ударами и ноги судорожно подергивались, шурша по мокрому полу мелким углем. И каждый раз, как кайло глубоко и с силой врубалось снизу в узкую расщелину, отделяя угольный пласт от каменного пола, брызги осколков с шумом вырывались оттуда, с ног до головы обдавая забойщика. И он в такт каждому взмаху напряженно и торопливо отворачивал голову, крепко зажмуривая глаза. Я слышал его подавленное дыхание и также зажмуривал глаза и прятал лицо за столбик каждый раз, как топор с размаху уходил совсем с рукояткою в расщелину.

А кругом неслись такие же глухие удары кайл; смутно копошились неясные фигуры рабочих; с усилием горели лампы и, покрывая все это, также неподвижно-безжизненно стояла сладковатая, густо синевшая мгла. Мне становилось трудно дышать. В висках стучало, перед глазами все слегка

шло кругом, и во рту усиливалось приторное, вызывавшее тошноту ощущение.

Рабочий, вырубавший возле меня, вывел снизу длинную щель. Он сел, подогнув голову, и отер грязною рукою пот. Я не мог разглядеть выражения его лица, но мне видно было, как облипала его тело насквозь смоченная потом и сочившеюся по полу водой рубаха. Он пододвинул к себе лежавшие возле кучкой коротко нарезанные столбики и, вырубив по углублению в угольном пласте и в полу, стал косо устанавливать подпорки, чтобы подрубленная снизу стенка угольного пласта не вываливалась до времени и не раздавила его. Через минуту он опять уже лежал на боку и, дрыгая ногами и корчась, стал зарубать щель дальше.

На другом конце рабочие на четвереньках таскали что-то к выходу, но сквозь синевшую мглу я не мог разглядеть, как следует, что именно они делали.

Зарубщик забрал оставшиеся жердочки и кайло, отполз от пласта и сел возле меня, согнувшись всем своим длинным туловищем. Он был худ, с узкою грудью и испитым лицом. Мокрая, черная от угля рубаха и порты облипали его, еще более выказывая худобу тела.

— Трудно же у вас тут работать — проговорил я, желая вызвать его на разговор.

Он ничего не отвечал и сидел, сумрачно глядя перед собой.

— Митька! — позвал он, не обращая на меня никакого внимания. — Что-ж не починаешь? — и вдруг прибавил раздраженно и злобно скверное ругательство.

Из мглы, цепляясь спиной за нависнувший потолок, приполз в такой же черной и мокрой рубахе парень, сел возле, скрючившись, и стал, ухая, вгонять тяжелым молотом железные клинья между нависнувшими сверху потолком и пластом угля, чтоб отделить последний от породы.

— Да так, работа наша... — проговорил вдруг рабочий, обернувшись и глядя на меня с раздражением, — кабы ежели шахтеры не ругались нехорошим словом, так святыми бы все поделались. Вот наша какая работа.

В его словах слышалось раздражение, точно я был в чем-то виноват.

— Да вот поглядите, вот он теперича гонит клинья, вот не рассчитает, рухнет пласт, от него лишь мокро останется, да и нас с вами не помилует.

Забойщик продолжал бить молотом. Глухо, точно предвещая недоброе, отдавались удары, и толстые концы клиньев, уходя вглубь, становились с нашей стороны все короче, образуя сверху все более и более заметную расщелину. Томительное ожидание овладело мной. Я никак не мог освободиться от гнетущего впечатления, которое производила эта расходившаяся вверху темная щель.

Парень перестал бить, принял одну подпорку, другую... Что-то тяжело хрустнуло.

— А что, бывает...

Я не успел договорить; страшный треск и грохот потряс подземелье. Что-то тяжело и неуклюже перевернулось. Все лампы разом дрогнули, на секунду ярко вытянув пламя. Все заколебалось и, казалось, каждое мгновение готово было рухнуть среди мглы. Я судорожно попятился к проходу, поскользнулся и упал. Мимо с шумом пролетели, переворачиваясь в воздухе, две выбитые страшною силой подпорки. Что-то еще раз ухнуло, каменный пол под ногами дрогнул, и все успокоилось. Только на том месте, где перед этим возился рабочий, зияла темная, уходившая в глубь пустота, и перед неподвижною грудой лежал вывалившийся пласт угля в несколько сот пудов весу.

Забойщик, изгибаясь и неловко махая под низким потолком, раскалывал его на меньшие куски.

— Иной раз так-то вываливают пласт — проговорил, выправляя фитиль в своей лампе, все время спокойно остававшийся на месте зарубщик, — верхний пласт лопнет, осядет, подпорки в щепки, лавку-то всю со всем народом и накроет. А испужались? — добавил он уже добродушно и улыбнулся.

И странно было видеть улыбку на этом суровом и неподвижном от грязи лице.

— Мы народ привычный, а и то иной раз жуть берет.

Он забрал подставки, кайло и лампу, прополз дальше, лег на бок и опять стал зарубать щель.

А кругом было все то же: доносившиеся отовсюду глухие удары, смутно копошившиеся фигуры, густая сладковатая атмосфера и синевшая повсюду мгла. Все работали, храня угрюмое молчание, — ни песен, ни говора. Эта мрачная вечная ночь вытравила у людей веселость, оживление, шутку, смех, песни. Каждый, напрягаясь, рубит, раскалывает, загоняет клинья и таскает куски угля, подавляя в себе отвращение к мертвому труду и тоску, и удручающую апатию, навеваемую окружающей обстановкой. Одно только постоянное желание, не заглушаемое даже многолетнею привычкой, таится в душе, сжимая сердце вечно сосущей тоской: доделать работу и выбраться наверх. Впрочем, и выбравшись наверх, рабочий не видит дневного света: спускаются в шахту до рассвета, а выходят, когда на земле уже ночь.

VI.

Я огляделся кругом; штейгера с товарищем не было видно; они, вероятно, были в дальнем конце забоя. Рабочие, зарубавшие пласт, разбиравшие уголь и вытаскивавшие его к выходу, красные дымные огни ламп среди сизого тумана и эта гладкая, мертвая поверхность над головой, — все

это приобрело какое-то особенное значение, роковое и неизбежное. Страх, смутный и неопределенный, и ожидание несчастья совершенно помимо воли охватывали душу. Я полез отыскивать своих. Неодолимое желание выбраться, уйти отсюда неотступно овладело мною.

Сидя на корточках, штейгер объяснял приятелю подробности работ, а тот слушал с растерянным и разочарованным видом; вместо ожидаемого мрачного величия, все было просто и ужасно. Я окликнул их, и мы один за другим поползли к выходу.

Рабочие в угрюмом молчании продолжали свое дело, то там, то сям ползком показываясь из синевшей мглы и не обращая на нас никакого внимания.

Через несколько минут мы снова очутились в пустынной галлерее и, согнувшись, пошли пешком. Доносившиеся глухие удары и шорох осыпающегося угля давно смолкли позади нас, и мы шли среди могильной тишины, унося в сознании впечатление оставленных позади людей, угрюмое молчание и выражение тоски и напряжения на лицах.

Мы следовали за штейгером из одной галлереи в другую и, вероятно, прошли около версты.

При дрогнувшем свете лампы впереди мутно обрисовалось во мраке что-то странное и неопределенное: был ли это выступ пласта или человек — нельзя было разглядеть.

По мере того, как светлый кружок лампы штейгера подвигался вперед, в темноте выделялись сколоченные перекладинами полусгнившие доски, загораживая проход. Что-то живое и миниатюрное зашевелилось там. Это оказался мальчик лет десяти. Он побежал к загораживавшим проход воротам и торопливо отворил их. Ветер со свистом и колебля пламя вырвался с той стороны, охватил нас холодом и сыростью и понесся по галлерее.

— Иваська, это ты?

Мы остановились. Он стоял перед нами, глядя на нас своими наивными детскими глазками. По этому проходу редко гоняли вагоны, и наше появление было для него целым событием. Он был приставлен отворять и затворять ворота, регулировавшие ток воздуха. Ему не давали лампы, чтобы не тратить даром керосина, и он по целым часам сидел возле ворот среди молчания и мрака и прислушивался к шороху и падению капель, невидимо пробиравшихся в темноте по стенам и монотонно и однообразно падавших со свода, наводя уныние и тоску. Детская голова, руки и ноги просили работы, движения, и он мял крошки угля и отковыривал кусочки отгнившей доски.

— Скучно тебе одному?

— Нет, оно не скучно, а только чижало на сердце.

Он перевел на нас свои детские глаза и тоскливо улыбнулся.

Мы постояли с минуту, как будто нам еще нужно было сказать что-то, и не находили что, а потом пошли дальше. Слышно было, как затворились сзади ворота, и вокруг снова воцарилась мертвая тишина, и непроницаемый мрак неотступно следовал сзади, с боков, спереди.

Мы сворачивали куда-то вправо, потом влево, потом вышли в какой-то широкий проход, где рельсы были проложены в два пути, по диагональному ходу, тесному и низкому, стукались головами, спотыкались и болтались в воде, и я не знал, откуда и куда мы идем и в какой стороне оставленные нами работы, и машинально тащился за согнутою широкою фигурой молча пробиравшегося вперед штейгера, — все равно, мы, в конце-концов, должны же были притти к выходу. Мы не попали на поезд и нам теперь все время нужно было итти пешком.

Долго, очень долго мы шли таким образом; вероятно, сделали несколько верст. Я не знал, возвращались ли мы прежнею дорогой, или штейгер вел теперь нас иными галлереями.

— А не желаете ли вы взглянуть на помещение для рабочих лошадей рудника? — проговорил он, приостанавливаясь и посвечивая перед собою лампой.

Первое, что я почувствовал, это — радостное облегчение, так как знал, что конюшни были недалеко от выхода. Мы остановились. Единственное наше желание было — возможно скорее выбраться отсюда, но мы почему-то проговорили:

— Ну, что-ж, пойдемте.

Штейгер подошел и отворил в стене небольшую дверь. Горячая атмосфера распаренного навоза и многих десятков лошадиных тел пахнула в лицо и охватила специфическим запахом и теплом. Мы вошли. Около семидесяти лошадей стояло по стенкам, слабо выделяясь крупами в полутьме. Они были сыты, с лоснившеюся шерстью. Их здесь отлично кормят и не переутомляют работой, но многие слепы. Лошади очень быстро теряют зрение в темноте. Я прислушался; они мерно и звучно жевали сено, и мне припомнилось поле, потухающая заря, распряженный воз при дороге и этот спокойный и мерный звук пережевывания, который всегда вызывает особенное состояние спокойствия и отдыха. Бедные животные! Они уже никогда не увидят солнца, зелени, степного приволья и сложат свои кости в этих мрачных галлереях.

Мы вышли и прошли на площадку к подъему. Подошла клетка; все уселись; откинулась железная скоба,—и площадка с людьми и со всем, что на ней было, мгновенно пропала внизу, а мы минуты с две оставались среди абсолютного мрака и, казалось, без всякого движения. С прежним гулом и железным грохотом клетка ударилась о перекладины, но это уже не поразило так ухо, как в первый раз. Как только со стуком опустилась прихватившая клетку скоба, я выпрыгнул на пол.

В окнах виднелся слабый свет угасающего дня, а вместе с ним надежда и призрак возможного где-то счастья и ра-

дости проникли в душу. Никогда дневной свет не производил такого впечатления, как теперь.

Мы торопливо переоделись и вышли. В воздухе стояла тишина весеннего вечера. Слабая полоса зари догорала на далеких небесах. Кое-где замерцали звезды. Этот тихий весенний вечер, дома, деревья, заборы, плетни, окна, вечерняя даль, затянутая легкою дымкой, — все это поразило меня особенною новизной, чем-то таким, чего я до сегодняшнего дня как-будто не замечал.

Мрачное, угрюмое здание осталось позади, и почернѣвшая дымовая труба сумрачно высилась над ним, одиноко выделяясь на вечернем небе.

3. Под землей.

(Из романа «Туннель» Б. Келлермана).

Мак-Аллан с десяти до тринадцати лет принадлежал к числу тех безвестных миллионов, которые всю свою жизнь проводят под землей и о которых никто не помышляет, пока не произойдет какая-нибудь катастрофа.

Его отец и братья работали в шахте „Дадя Том“ так же, как и все остальные рабочие в той местности, где он жил. Улица, на которой он вырос, всегда была покрыта блестящей черной грязью. В конце улицы протекал мелкий ручей, и чахлая трава, растущая по его берегам, была не зеленого, а совершенно черного цвета. Ручей тоже был грязен, и на поверхности его виднелись большие масляные пятна, отливающие на солнце разными цветами.

Когда Маку минуло восемь лет, отец взял его за руку и повел его в шахту. Там работы были в полном разгаре. Воздух дрожал от крика, свиста, шума повозок, тачек и грохота вагонеток. Все находилось в движении. А наверху

жужжало колесо, которое Мак уже много лет наблюдал издали. Сзади, из коксовых печей, поднимались столбы огня и облака дыма и пара. Копоть и угольная пыль точно падали с неба. В широких трубах раздавался свист. Из холодильников с шумом лилась вода, а из толстой, высокой фабричной трубы беспрестанно валил дым, черный как смола.

Чем ближе они подходили к закопченному кирпичному зданию с потрескавшимися оконными стеклами, тем сильнее становился шум. Точно кричали тысячи маленьких детей, которых били.

Земля дрожала.

— Что это кричит там отец? — спросил Мак.

— Это уголь — отвечал отец.

Никогда Маку не приходило в голову, что уголь может кричать!

Отец поднялся с нами по лестнице большого здания, которое содрогалось от движения машин.

— Здравствуй, Иоса — сказал он, чуть-чуть приоткрывая дверь.—Я хочу показать мальчугану твои машины.

Мак заглянул в машинное отделение, где какой-то человек сидел на стуле и упорно смотрел в одну точку, держа руки на блестящих рычагах. Как только раздавался сигнальный звук колокола, человек передвигал рычаги, и гигантская машина приходила в действие. Мак был совершенно ошеломлен; он никогда не видел ничего подобного. Затем отец повел его наверх по очень крутой лестнице, по которой он с трудом поднимался, в другое отделение, где был оглушительный шум. Там работали такие же мальчики, как он. Они запускали руку в сыпавшийся уголь, быстро выбирали из него каменную породу и бросали ее в железную тележку. Уголь двигался перед ними непрерывным потоком и, точно огромный черный водопад, падал вниз через отверстие в полу на железнодорожные вагоны и отвозился дальше.

По обеим сторонам длинного черного потока стояли мальчики, такие же, как он, только совершенно черные. Они выбирали из угля камни. Один из мальчуганов крикнул Маку, чтобы он смотрел. Мак не сразу узнал его. Это был мальчик, живший с ним по соседству, у которого была заячья губа. Мак накануне с ним подрался из-за того, что тот набросился на него, когда он назвал его „зайцем“. Это было данное ему прозвище.

— Мы отбираем камни, Мак, — крикнул ему на ухо заяц. — Их ведь нельзя продавать вместе с углем.

Мак скоро понял, в чем дело, и научился отличать по блеску и излому уголь от каменной породы. Он простоял на этой работе два года, и бесчисленное множество такого угля прошло через его маленькие детские руки.

Каждую субботу он получал свою заработную плату, которую должен был отдавать отцу. Он был наблюдателен и поэтому знал гораздо больше своих сверстников относительно всего, что касается угля, откуда он берется и какие вещества и газы добываются из него. Большинство же мальчиков не имело ни малейшего понятия, откуда берется тот бесконечный поток угля, который изливается в вагонетки. День и ночь, не переставая, гремели железные двери шахты, день и ночь нагружались углем вагонетки, поднимались наверх и, высыпав уголь, убегали обратно.

Уголь встряхивался в огромных ситах, где и сортировался. Звук, который слышался при этом, назывался „криком угля“. Падающий через сито уголь попадал в бассейн с текущей водой, которая уносила его с собой, а камни падали на дно. Промытый уголь, двигаясь дальше, проходил еще через пять сит с разными отверстиями. Крупный уголь опускался вниз и нагружался в вагоны. Угольный мусор спускался по дырявой железной лестнице. Эта чудовищная лестница, покрытая сероватой грязью, казалась неподвижной, но если к ней присмотреться, то можно было заметить, что

она медленно, очень медленно движется. Через два дня каждая ступенька достигала верха, опрокидывалась и высыпала угольную пыль в громадную воронку. Оттуда этот мусор попадал в коксовые печи, превращался в кокс, а из газов извлекались разные химические продукты. Это было химическое производство шахты и Мак знал его. Десяти лет он уже получил от отца желтую суконную куртку углекопа, повязал шерстяной шарф на шею и спустился в первый раз туда, откуда добывается уголь. Темнота и жуткая тишина галлереи, куда его поставили на работу, сначала сильно угнетали его. Сперва он только учился управлять лошадью и перевозить тележки с углем под наблюдением другого юного конюха, но потом его оставили одного справляться с этой задачей. Хотя в этой подземной галлерее работали сто восемьдесят человек, но Мак редко видел кого-нибудь, и его постоянно окружало безмолвие могилы. Только в одном месте этой галлереи господствовал такой грохот, что два человека, сверлящие скалу, давно уже должны были оглохнуть. Для Мака было настоящим событием, когда в каком-нибудь месте темной штольни показывался огонек лампочки углекопа.

Мак должен был ходить взад и вперед по пустынным черным, низким коридорам, собирать по дороге угольные повозки и отвозить их к шахте. Там он впрягал лошадь в готовый поезд и отвозил его в назначенные места. Он прекрасно изучил весь лабиринт штольней, каждую отдельную балку, поддерживающую свод, и все угольные пласты, носившие различные наименования, а также все сложное устройство дверей и вентиляции штольней. Каждый день он спускался со своими товарищами в корзине в шахту и также поднимался из нее, совершенно не думая об этом.

Там, в шахте, Мак привязался к старой белой лошади, которою он управлял; эта лошадь прежде называлась „Наполеон Бонапарте“, но теперь ее кличка была „Бонней“. Она уже много лет провела в темноте, под землей, и была

полуслепая, но жирная, малоподвижная и очень флегматичного нрава. Мак не очень нежно обращался с нею, но все-таки любил ее и даже спустя многие годы с грустью вспоминал ее, когда видел старую белую лошадь, запряженную в телегу.

Мак работал почти три года в штольне, когда там произошел взрыв рудничного газа, и он чуть не погиб. Эта катастрофа, о которой еще многие помнят, стоила жизни 272 углекопам. Взрыв произошел ночью, в нижней части шахты. Мак отвозил назад свой поезд пустых тележек и весело насвистывал песенку, которую слыхал в граммофоне. Вдруг, сквозь лязг железных тележек, послышался ему какой-то грохот. Он машинально заглянул наверх и увидал, что деревянные балки и подпорки начали склоняться и гора рухнула. Он рванул лошадь изо всей силы и громко крикнул ей в ухо, чтобы заставить ее побежать скорее. Лошадь испугалась треска, попробовала бежать галопом, вытянув свое неуклюжее тело и почти пригибаясь к земле, но груда каменных обломков завалила ее. Мак бросился бежать, как безумный. Позади него двигалась гора, но и впереди трещали балки и рушился потолок. Обхватив голову руками, он несколько раз покружился на месте, как волчок, и, наконец, бросился в боковой проход... Штольня обрушилась с грохотом, боковая галлерея тоже затрещала и Мак, подгоняемый градом сыпавшихся камней, побежал, сломя голову. Он бежал, вертясь как волчок, прижимая руки к вискам, крича изо всех сил.

Он дрожал всеми членами и почти совершенно обессилел. Тут он увидал, что прибежал назад в конюшню. Вероятно, и старая лошадь сделала бы то же самое, если бы обвал не преградил ей дорогу. Мак должен был сесть, потому что ноги у него подкашивались. Целый час он просидел так, ничего не соображая. Наконец, он занялся своей лампочкой, которая едва мерцала, и осветил ею окрестность.

Он оказался совершенно запертым. Кругом него были горы обломков и угля, закрывшие все выходы. Мак задумался над тем, как это могло произойти, но ничего ему не приходило в голову.

Так он просидел многие часы. Он плакал от отчаяния и своего одиночества, но затем немного овладел собой и к нему вернулась его жизненная энергия. Было ясно, что в шахте произошел взрыв рудничного газа и лошадь была засыпана обвалом. Но Мак утешал себя, что его-то наверное откопают. Он сидел на земле, рядом со своей маленькой лампочкой, и ждал. Он прождал час, два, потом вдруг им снова овладел ужас. Он вскочил и, взявши лампочку, отправился на поиски выхода. Он осмотрел все вокруг, но нигде ничего не было видно, кроме груды обломков. Ничего, значит, другого не остается, как ждать. Осмотрев ящик с кормом, он снова сел на землю, стараясь дать своим мыслям другое направление. Он думал о погибшей лошади, о своем отце и Фреде, которые вместе с ним спустились в шахту... От этих мыслей пробудил его какой-то странный звук, точно звонок телефона. Мак напряженно прислушался. Потом вдруг он понял, что ничего не слышал. Кругом была тишина. Ни одного звука не раздавалось у него в ушах и эта ужасная тишина была невыносима. Он засунул в уши указательные пальцы и потряс их. Потом он откашлялся и громко сплюнул. Прислонив голову к стене, он долго сидел и смотрел на солому, приготовленную для лошади. Потом улегся на эту солому с мучительным чувством глубокого отчаяния и наконец заснул.

Он проснулся, как ему показалось, спустя несколько часов, вследствие ощущения сырости. Лампа погасла, и он шлепал ногами по воде, когда пробовал сделать несколько шагов. Он был голоден и, взяв горсть овса, принялся его жевать. Сидя на корточках в конюшне, он смотрел в темноту и грыз одно зерно за другим, прислушиваясь с напря-

жением. Но он не слышал ни голосов, ни стука, а только журчание воды и плеск водяных капель.

Темнота была ужасна. Через несколько минут он вдруг вскочил, заскрежетал зубами и как бешеный бросился вперед. Он натыкался на стены, ушиб раза два голову и с бессильной злобой ударял кулаками по камню. Но эти припадки безумия длились недолго. Он ощупью пробрался назад к стойлу и начал снова жевать овес, а слезы так и струились у него из глаз. Так он сидел часы за часами. Нигде ничего не было слышно... О нем забыли.

Мак сидел, жевал овес и думал. Его детская головка усиленно работала. У него явилось хладнокровие. Эти страшные часы должны были показать, на что он годен. Вдруг он вскочил и, потрясая кулаком в воздухе, крикнул: — Если эти проклятые дураки меня не откопают, то я сам выберусь отсюда!...

Однако, он не сразу принялся копать. Снова присев на загородке стойла, он долго думал, стараясь мысленно воспроизвести план штольни, взяв за исходную точку конюшню. Пробраться через южные штольни нельзя. И если вообще можно как-нибудь выбраться, то лишь через штольню „Веселая тетка“ или Пласт Патерсона. Мак знал, что разработка этого пласта находится в 70, 80 или 90 шагах от конюшни. Это ему было известно наверное. Уголь в „Веселой Тетке“ сделался хрупким под давлением горных пластов, а это было очень важно. Еще за час до катастрофы он говорил Патерсону: — „Эй, Пат, Гиккинс жалуется, что мы доставляем только мусор“.

Потное лицо Пата появилось тогда перед ним, освещенное лампочкой, и Пат крикнул ему с раздражением: — „Пусть Гиккинс убирается к чорту, скажи ему, Мак! „Веселая тетка“ уже вся превратилась в мусор, гора раздавила ее. Пусть же он держит язык за зубами или пусть нас переведут отсюда!“

Пат скрепил этот пласт солидными подпорками, боясь, чтобы его не завалило. Пласт был вышиной в два с половиной метра, и от него можно было пройти к седьмой штольне.

Мак начал считать шаги. Отсчитав 70 шагов, он испытал чувство леденящего страха. Но, когда, отсчитав еще 15 шагов, он вдруг наткнулся на камень, то невольно вскрикнул от радости. Охваченный энергией, напрягая все свои силы, он тотчас же принялся за работу. Через час, стоя по колени в воде, он пробил нишу в каменной груде. Но он совершенно изнемог и от испорченного воздуха в штольне испытывал тошноту. После часового отдыха он снова принялся за работу. Он работал медленно и с большой осторожностью, ощупывая камни и сверху и с боков, чтобы обеспечить себя от обвала. Он подпирал камнями висевшие глыбы, которые угрожали рухнуть, притащил доски и балки из конюшни для подпорок и откатывал прочь куски скалы. Так он проработал много часов, тяжело дыша, и, наконец, совершенно обессилев, свалился на доски и уснул. Проснувшись, он стал прислушиваться, но так как ничего не услышал, то вновь принялся за работу.

Он копал и копал. Так проработал он несколько дней, а всего надо было пробить только четыре метра. Долго потом ему снилось, что он копает и старается пробраться через камень... Наконец, он почувствовал, что приблизился к месту выхода пласта. Он распознал это место по тонкой угольной пыли и рассыпавшемуся углю. Наполнив карманы овсом, он стал взбираться по пласту наверх. Подпорки его уцелели и Мак, дрожа от радости, пробирался между ними вверх. Назад он уже не мог вернуться, потому что уголь осыпался под его ногами и заваливал ему обратный путь. Вдруг он почувствовал под рукой чей-то сапог и по некоторым признакам догадался, что это был сапог Патерсона. Бедняга был тут засыпан, и это открытие так подействовало

на Мака, что он долго не мог двинуться с места, скованный ужасом. Он никогда не мог вспоминать потом без содрогания эту страшную минуту. Когда он овладел собой, то начал медленно пробираться дальше, и работа тоже подвигалась медленнее, хотя в этом месте пласты были в лучшем состоянии. Но Мак сильно ослабел и с трудом мог работать. Обливаясь по́том и совершенно разбитый, он наконец достиг подъема в седьмую штольню. Однако, итти дальше не мог и улегся спать. Проснувшись, он медленно пополз по рельсам подъемной дороги, ведущей из восьмой штольни в седьмую.

Наконец, он выбрался наверх... Штольня была свободна. Он уселся на корточки, пожевал овса и затем, облизав свои мокрые руки, пошел дальше по направлению к шахте. Он также хорошо знал верхнюю часть копей, как и нижнюю, но засыпанные в разных местах штольни часто заставляли его менять направление. Он бродил часами, пока от утомления у него не стало звенеть в ушах. Но он знал, что должен пробраться к шахте во что бы то ни стало. Там есть колокол и оттуда он мог дать сигнал...

И вдруг, как раз в ту минуту, когда он уже начал проходить в отчаяние при мысли, что может оказаться запертым здесь, он увидал вдали красноватые огоньки лампочек. Их было три.

Мак хотел закричать и раскрыл рот, но у него не хватило на это сил, и он свалился без чувств. Однако, возможно, что он все же слабо вскрикнул. Двое из нашедших его людей говорили, что они ничего не слышали, а третий сказал, что ему показалось, будто кто-то слабо крикнул.

Мак почувствовал, что его кто-то понес. Потом он ощутил движение корзины, очень медленно поднимающейся наверх, и тогда очнулся на мгновение. Корзина остановилась. Кто-то накрыл его одеялом и снова понес, но больше он ничего не помнил...

Мак пробыл под землей целую неделю, но он думал, что прошло только три дня. Из всех работавших в этой штольне спасся только он один. Через неделю он был уже на ногах и узнал, что его отец и брат погибли, и он остался совсем одиноким на свете.

4. Песнь углекопов.

1.

Черные люди, откуда пришли вы?
— Из-под земли мы поднялись толпой;
Душит нас в яме глубокой, тоскливой
Воздух отравленный шахты сырой.
Солнца не видим: лишь лампочки дальней
Свет одинокий нам светит во мгле.
Жизнь мы проводим во мраке печальном,
Вечно работая в душной земле.
Мы добываем
Уголь, копаем
Черный улов
Для чужих сундуков.

2.

Черные люди, куда вы бежите?
— Смерть нас преследует в яме сырой,
Косит рудничный нас газ. Посмотрите;
Смерть обернулась вдруг птицей ночной,
Жадно застигла нас в темном подъеме,
С шумом за нами идет по пятам.
Траур и плач не в одном будет доме,
Завтра же снова мы будем все там.
Мы добываем
Уголь, копаем
Черный улов
Для чужих сундуков.

3.

Черные люди, что-ж платят за это?
— Мы изнываем в тяжелом поту,
Мы надрываемся зиму и лето
И получаем за то нищету!
Голод и холод — обычные гости
В наших домах и за нашим столом,
И возвращаясь, продрогнув до кости,
Деток оборванных мы застаем.
Мы добываем
Уголь, копаем
Черный улов
Для чужих сундуков.

Жюль Жуй.

5. Пожар в шахте.

А. Свирского.

Пожар произошел поздно ночью, когда, за исключением работавших в шахтах углекопов, все давно уже спали. По темной равнине пронесся протяжный жалобный гудок. За первым последовал второй, третий... И вскоре острые сверлящие крики пара слились в потрясающий вопль.

Грушевка проснулась и в кромешной тьме задвигались люди. Гонимые страхом и надеждой, эти люди бежали прямо на огненный столб. Этот столб, красный и живой, дрожал, вытягивался и кровавым знаменем вытягивался над рудником. Бежавшие обгоняли друг друга, и слышно было, как они выли на берегу. Тут были и мужчины, и женщины, и дети. Но вот уже близко, и пожар глядит им в глаза. Они видят машинное здание. Огонь ярким горячим кольцом охватил его со всех сторон. Прибежавшие на пожар знают, что в этом здании находится вход и выход из шахт, и, по-

тому что они это знают, им становится холодно, хотя они и стоят вблизи огня.

Толпа между тем растет и ширится. Многоголосый пар кричит на всю степь и будит чернокаменную равнину.

Пламя шипит, клокочет и золотыми фонтанами вылетает из машинного здания, а бездонная мгла пугливо сторонится, и светлый круг пожара увеличивается. Брызги пламени, точно золотые пчелы, жужжат, кружатся и, умирая, черным песком падают на землю.

Многоустая толпа молчит. Она в оцепенении. Ужас сковал сознание, мозг и язык. Единственное, что толпа знает и помнит, это то, что под ее ногами в глубоких и душных недрах земли теперь копошатся люди.

* * *

Две артели углекопов, в числе около двухсот пятидесяти человек, за два часа до пожара работали в трех шахтах, разбившись на четыре группы. Шахтеры разрабатывали новую жилу. Шахты находились в полуверсте от подъемной площадки; эта местность считалась самой глубокой во всей Грушевке. Мощный каменный пласт толщиной в сто пять сажен непроницаемым щитом лежал над длинными и узкими коридорами, в которых люди, подобно кротам, грызли каменные недра, удлиняя свои тесные норы.

В последней шахте — № 12, самой низкой и дальней, работала воронежская артель. Работа в этой шахте требовала известного уменья, а главное — осторожности, и поэтому сюда была назначена группа, состоявшая из старых, опытных шахтеров.

Старшим этой группы состоял один из лучших углекопов, Степан Капралов. Это был сильный, рослый человек лет сорока. Капралов знал рудники так же хорошо, как свою родную деревню. При нем взрывались все новые галлереи и ему были известны все входы и выходы.

За два дня до пожара к Степану Капралову приехал его единственный сын, двенадцатилетний мальчуган. Ребенка привез один из земляков, который уже заодно сообщил и о смерти жены. Капралов знал, что его жена больна. Он еще недавно выслал ей деньги, но он не думал, что эта болезнь так быстро отнимет жизнь.

Сына Степан обласкал как мог, ночью тайком поплакал по жене, а на другой день надо было спуститься в рудник, и возиться с печалью было некогда. Не имея на кого оставить мальчика, Капралов взял его с собой в рудник.

— А что, Васютка, не боязно тебе? — спросил Степан у сына, когда клетка вместе с ним падала вниз.

— Не — коротко ответил Васютка и продолжал широко раскрытыми глазами скользить по черным стенам колодца.

Мальчик действительно не испытывал страха и относился ко всему окружающему с наивным любопытством. Он только крепче прижимался к отцу, зная, что тятенька сильный и все может, и что обидеть его, Ваську, никто не посмеет.

* * *

Так как Степан находился в вечерней смене, то особенно возиться с сыном ему не приходилось. На подъемной площадке он нашел груду старых мешков, приготовил в сторонке постель и уложил мальчика спать. Степан был за него спокоен, так как на площадке всегда толчется народ, который в случае чего дал бы ему знать. А Васька, попав на сто сажен под землю, в душной и жаркой атмосфере рудника распарился, разморился, и в конце-концов уснул сном праведника. А утром его разбудил тятька, и они поднялись наверх.

То же самое было и в ночь пожара. Васютка спал на мешках у подножия колодца, а отец работал в шахте.

Шахта № 12 шла зигзагами и концом упиралась в нижнюю обходную галлерею, давно уже завалонную пустой породой и упраздненную. Параллельно с шахтой № 12 тянулось еще пять новых коридоров, где всего неделю тому назад взрывали породу динамитом.

Степан Капралов, как всегда, работал усердно и следил за товарищами. В десятом часу вечера забойщики вырвали из-под породы „зубы“ (деревянные подпорки), и громадный слой антрацита, „искусанный“ зубчиками зарубщиков, с оглушительным треском рухнул в пяти шагах от углекопов.

Подождав немного, шахтеры подползли к антрациту и стали его крошить. И пудовые куски жирного антрацита один за другим скатывались на середину „гнезда“.

Тягельщики, большею частью подростки, прикрепленные железной цепью к ящикам, быстро, на четвереньках, точно ручные медведи, подбегали к гнезду и садились в ожидании, когда нагрузчики наполнят ящики. И при первом окрике „пошел!“ они торопливо становились на четвереньки и медленно, с большим трудом тащили ящики к главному проспекту, где их уже дожидали откатчики с квадратными вагончиками, увозившими добычу на подъемную площадку.

Вся эта работа происходила во мраке, в духоте и в жаре, доходившей до тридцати градусов. Углекопы, а в особенности тягельщики, буквально купались в собственном поту. Чтобы ноги не скользили по мокрому камню, тяжелые башмаки тягельщиков были подкованы. И когда они бегали по шахте, звеня цепями, их подкованные ноги производили характерный железный стук, напоминавший топот лошадей по каменной мостовой.

У каждого рабочего имелась лампочка, за которой он следил с особенным вниманием, потому что лампочка для углекопа — его глаз. Без лампочки шахтер становится беспомощным, как человек, которого лишили зрения.

Что бы ни делалось в шахтах, эхо сейчас же подхватывает каждый звук, каждый шорох и быстро разносит их по всему руднику. А когда рабочих нет, в руднике поднимается звон, монотонный и печальный.

Это звенит почвенная вода, падая с камня на камень.

Лампочки шахтеров беспрерывно борются с тьмой. Разорвет лампочка клочок плотной бездонной тьмы, и в темно-желтом пятне вырастет согнутая фигура углекопа, обнажится крохотная площадь каменного свода, покажется над головой рабочего мокрый камень, весь в трещинках, из которых тоненькими струйками вытекает вода — слезы земли, как ее называют углекопы.

Но вот погасла лампочка, и тьма мгновенно проглатывает шахтера.

К Степану Капралову подошел штейгер Смоляков.

— Ну, что, как дела?

— Ничего, порода ластится.

— Ну и отлично. Я, брат, иду наверх. Ты кончай эту зарубку, а потом сходи к одиннадцати, посмотри, что там делается. Мне кажется, у них там дело не ладится.

— Ладно, ужо схожу.

Штейгер ушел. Несколько секунд было видно, как его громадная уродливая тень корчилась и обвивалась вокруг узкого коридора.

Степан поднял с земли лампочку и описал ею круг, желая лучше рассмотреть, в каком положении находится работа. В нескольких шагах от него лежали на животах отбойщики. Он видел только их ноги, обутые в лапти, да слышал равномерный стук шахтерских молотков.

Там было жарко, как в натопленной бане. Капралов взглянул на пласт, низко упавший над работавшими углекопами, и впервые подумал: „А что, ежели не приведи господи, подпорки ослабнут да эта самая камина рухнет“...

На этом месте он удержал свою мысль, стараясь о таких „глупостях“ не думать. Он поставил лампочку на землю, сам опустился на колени, взял в руки молот и зубчик и хотел было растянуться, чтобы заползти в гнездо, но в это время до его слуха долетел какой-то странный шум, полный смятения.

Степан стал прислушиваться. Шум приближался. Опытный шахтер понял, что по шахте с воем бегут тягельщики. Он слышал, как звенели их цепи, как стучали по камню их подкованные ноги.

— Эй, бросайте работу, в руднике неладно, — крикнул Капралов и первый выкатился из гнезда.

Отбойщики быстро один за другим бросились вон из скважины и сбились в тесную кучу посредине шахты. Красные огоньки запрыгали в дрожащих руках, и по мокрым каменным сводам заплясали человекообразные чудовища. Оглушительный шум мчался из глубины рудника прямо на рабочих. Слышался странный крик, подобно львиному реву, и треск падающих в лесу деревьев и грохот водопада, и пушечные выстрелы, и барабанный бой. Вся эта трескотня, весь этот гул, слившись в многозвучный гром, мчался по шахтам и оглушал перепуганных на смерть углекопов. Казалось, сама темнота заметалась по руднику и искала выхода.

Вот прорезались огоньки и показались тягельщики. Они бежали, как перепуганное стадо оленей, держась близко друг к другу. Цепи свои они роняли по дороге, но зато лампочки были у каждого. Добежав до отбойщиков, они остановились с искаженными от страха лицами. Между ними были мальчики 15 — 16 лет.

— Пожар... Ствол горит... Сердцевина (средняя главная шахта) вся в воде...

Все это прокричал один из тягельщиков и остановился.

„Васютка“ промелькнуло в голове Степана. Он, ничего не говоря, бросился вон из шахты навстречу подземному грому.

Рабочие побежали за старшим. Обезумевшие шахтеры метались в панике по глубоким каменным недрам земли, черная мгла гонялась за ними по пятам, а тяжелые черные скалы давили им головы.

* * *

Пожар вспыхнул мгновенно и застиг рабочих врасплох. Узкая полоса огня скользнула по бревенчатой стене и с шипением и треском поднялась вверх. А через минуту все помещение было уже объято пламенем. Горели толстые сухие бревна, горела деревянная обшивка ствола и масло из упавших лампочек.

Стосаженный колодец, обшитый толстыми досками, являлся в данном случае сильной тягой, и огонь метнулся туда. Люди не успели подать сигнала, как уже оказались со всех сторон окруженными пламенем. И рабочие в ужасе бросились в продольную шахту. Но, отбежав немного, они вынуждены были свернуть в первую боковую галлерею: вода неожиданно преградила им путь. Опасность вырвала рассудок, и люди превратились в животных. Они с диким воем бросились вперед, давя друг друга.

А на площадке свирепствовал огонь. Его кроваво-красные лапы вытягивались и ползали по стенам, по земле, поднимались по бревнам к потолку, жадно ища пищи. И все, что способно было гореть, вспыхивало как порох и увеличивало зной и треск.

Васютка мирно спал на мешках лицом к стене. В двух шагах от его ложа находился упраздненный вход давно уже выработанной шахты. Из темной заброшенной пещеры несло сыростью и пустотой.

Огненные змейки неоднократно подползали к спящему мальчику и в злобном бессилии откатывались прочь. Над

головой Васютки бушевали стихийные силы. Освобожденная почвенная вода с трех сторон ворвалась на площадку и с ревом бросилась в рудник. Внутри колодца гремело пламя, разрушая и проглатывая обшивку. Толстые доски с оглушительным треском падали с вершины ствола и здесь, внизу, догорали до тла.

Черные винтообразные клубы дыма, как живые существа, бегали по площадке, пока огонь не выталкивал их через колодец наверх.

Вот черная туча дыма упала, обняла мальчика и на мгновение скрыла его из виду. Васютка проснулся весь в поту. Он сел и не спеша протер глаза. Сознание еще не вернулось к нему, и он равнодушным взором окинул бушевавший вокруг него огонь. Но это состояние длилось недолго. Инстинкт разбудил мальчика и поднял его на ноги. Испуг остановился в его голубых глазах, а из груди вырвался крик отчаяния.

— Тятька! Тятя! — закричал мальчик и шарахнулся назад, к пещере заброшенной шахты.

Голос Васютки утонул в грохоте водопадов и в треске огня.

— Тятя, Степан! — еще раз крикнул Васютка и кубарем полетел в шахту.

Мальчика толкнула туда новая туча едкого дыма. Васютка бросился бежать по шахте. Но вскоре он снова упал, ударившись головой о низко упавший каменный свод. Тогда он пополз на четвереньках, как это делают тягельщики.

С каждым шагом становилось темнее. Отблески огня таяли и умирали в черном мраке каменного склепа. Плотная мгла окутала мальчика со всех сторон. Васютка остановился. Он почувствовал, что по его лицу и шее течет теплая струйка. Он дотронулся рукой, и рука сделалась мокрой. Мальчик догадался, что это кровь, и заплакал. А потом он снова принялся кричать изо всей мочи:

— Тятя, сюда! тятенька!!

Мальчик вдруг испугался собственного крика и умолк. Ему вспомнились рассказы о страшных чудовищах, живущих в земле, и он решил молчать, чтобы голосом не привлечь на себя внимание стоголовых змей и прочей чертовщины.

С этого момента воображение Васютки заработало с удвоенной силой, и в памяти его воскресло все страшное, когда-либо слышанное им в родной деревне. Он был теперь уверен, что весь этот шум поднялся в руднике неспроста и что нечистые силы сговорились погубить его. И мальчик стал прятаться. Он плотнее придвинулся к каменной стене, подобрал под себя ноги и весь съежился, чтобы быть как можно меньше и незаметнее. Но глубокая, бездонная тьма, полное одиночество и буйный грохот пожара рождали невольный страх, и мальчик холодел от ужаса.

Но тут мысли Васютки оборвались: вблизи от него кто-то зашагал. Мальчик явственно расслышал шарканье ног. Холодная царапающая дрожь пробежала у него под черепом.

Шаги приближались. Вот уже они совсем близко. Мальчик осторожно повернул голову в ту сторону, откуда шли шаги, и увидал чей-то красный глаз, налитый кровью. В густой черной темноте глаз этот яркой точкой двигался по шахте. Васютка, чтобы не крикнуть, крепко стиснул зубы, но напрасно: когда огромное чудовище с единственным глазом на невидимом лице подползло к нему, он так вскрикнул, что в груди сделалось больно.

Молодой звонкий голос острым металлом ударился о камни и звенящими осколками рассыпался во мгле.

— Кто здесь?

Васютка услыхал этот человеческий голос над самой головой. Он широко раскрыл глаза и почувствовал облегчение. Он увидал перед собою не кровавый глаз чудовища,

а обыкновенную шахтерскую лампочку. Она висела на груди человека, стоявшего перед ним на четвереньках.

— Ты кто? — задыхающимся от волнения и усталости голосом спросил штейгер.

— Я сын тятьки Степана... Васютка, — ответил мальчик и вдруг заплакал тихо и жалобно.

— Ты с площадки сейчас? Да? Отвечай скорей...

Но Васютка не в силах был говорить: накопившиеся слезы рвались наружу и душили его.

В это время эхо притащило с подъемной площадки гудение пожара, грохот водопадов и швырнуло весь этот гул на черные камни тесного коридора.

Смоляков вздрогнул, сделал быстрый поворот и пополз назад. Васютка мгновенно перестал плакать и с чисто кошачьей ловкостью подскочил к удалявшемуся штейгеру и крепко обеими руками вцепился в его кожаную куртку.

Смоляков резким движением хотел оттолкнуть мальчика, но тот словно прирос к нему.

— Дяденька, миленький... Не надо уходить... я боюсь... Дяденька, голубчик, сведи к тятьке Степану...

Васютка говорил торопливо и в каждом слове его звучала мольба беспомощности.

— Отстань от меня, дьявол, — скрежеща зубами прошипел обезумевший от страха штейгер.

— Дяденька, миленький, не гони... Я боюсь... Мне больно... У меня кровь...

Смоляков тяжело вздохнул, сел и, сняв с груди лампочку, поднес ее к лицу Васютки. В этот момент рассудок вернулся к нему, и штейгеру сделалось стыдно и больно.

— Ты расшиб себе голову. Погоди — я сейчас остановлю кровь. Держи лампочку.

У мальчика затылок был сильно расшиблен, и вокруг раны уже образовались черные бугорки запекшейся крови.

— Тебе больно? Да?

— Больно.

— Ну не плачь, теперь не будет больно.

— А тятя мой где?

— Он там, на работе... Ну, вот и готово. А теперь уйдем отсюда. Слышь, как вода за нами гонится. Она уже близко.

— Ой, дяденька, я боюсь.

— А ты держись за меня покрепче и не бойся.

И Смоляков с ребенком пополз вперед.

Спустя немного, Капралов уже сидел на корточках перед сыном, нежно проводил рукой по его спине и ронял крупные безмолвные слезы.

* * *

Время тянулось бесконечно долго. Углекопы давно уже выбились из сил и молча лежали на каменном дне рудника в ожидании смерти. О спасении никто уже не заботился. Пережитые волнения ослабили нервы, и людьми овладела апатия.

Спички и табак давно уже были израсходованы, и рабочие лишились последнего утешения — курева.

Смоляков был единственным человеком, не потерявшим надежды на спасение, хотя и у него эта надежда быстро догорала, как свеча на ветру.

В руднике стало тихо. Грохот водопадов прекратился, не слышно было и обвалов. Ясно, что наводнение прекратилось. Штейгер уверен, что там, наверху, уже работают водоотливные машины. Но почему же все это так долго тянется? Ведь пройдет еще немного времени, и люди начнут умирать от истощения.

Смоляков не может лежать спокойно. Он поминутно встает и до боли напрягает слух. По руднику бродит печальный звон. То „слезы земли“ падают на черные камни.

— „Ох, если бы лампочка, — с тоской думает штейгер — он бы нашел дорогу к площадке. Наверно обходная

галлерея теперь освобождена от воды. И зачем он не догадался сохранить масло".

Последняя мысль давно уже сверлит мозг штейгера. Ведь это так просто было сделать! Стоило только приказать рабочим, когда он с ними встретился, погасить лампочки, а потом зажигать поочереди. И тогда огня хватило бы надолго.

С тех пор, как углекопы притихли, Смоляков начал волноваться. „Решили умереть", промелькнуло в его голове. Хоть бы кто-нибудь слово сказал. Он знает, что рабочие не могли уйти, что они лежат, быть может, рядышком, в нескольких шагах от него, но тьма уничтожила понятие о расстоянии, и временами он чувствует себя совершенно одиноким.

Вдруг горячее дыхание невидимого существа пахнуло теплой волной.

— Хлебца... Нет ли у тебя, братец, хлебца?.. Васютка помирает... Дай Христа ради... Задыхающимся шопотом проговорил кто-то.

— Это ты, Капралов?

— Я с сыном здесь... Помоги, милый человек... Замлел малец мой.

— Эх, голубчик, рад бы помочь, да нечем...

В ответ из груди Степана вырвался глубокий вздох. И тяжело дыша он протащился дальше. Его остановил Смоляков.

— Ты куда? Там никого нет.

— Уж я не знаю... Силушки моей нету. Всех, почитай, обходил, а ни у кого хлебца не добыл.

— А сынишка где?

— Тут он, у меня на руках. Давеча все плакал, хлебушка просил, а теперя замлел и молчит... Тяжело мне, ох, как тяжело!..

— А ты бы положил мальчика, да и сам бы отдохнул,— сказал Смоляков.

— Нельзя, как положу, так плакать начнет. У него, вишь, голова разбита...

— Потерпи немного, скоро придут люди и поднимут нас.

— Нет, не придут... Забыли... Там, на свете, и без нас людей много.

Не успел Капралов кончить, как по руднику пронесся гул. Сначала трудно было понять, что это, но вскоре по отдельно врывавшимся в шахту звукам можно было разобрать топот ног, человеческие голоса и звонкий стук молотков.

Рабочие ожили, и в шахте поднялось бестолковое движение. В черной бездонной тьме они натыкались друг на друга, поминутно меняли направление, на каждом шагу спотыкались, падали и кричали о спасении. Мгновениями, когда становилось тише, слышались чьи-то стоны, и извне усиленный стук железа.

Наконец, показался огонек. Темно-красная точка вынырнула из черной глубины. Вслед за первым огоньком, словно звезды, выпали из тьмы и медленно задвигались другие огненные точки. Вот выступили очертания человека — темная согнутая фигура и желтое лицо, освещенное лампочкой.

* * *

Солнце купалось в пламени заката, когда из рудника поднялись первые пять спасенных. Это были все мальчики тягельщики. Когда стволовый открыл клетку, тягельщики порывисто бросились вон, но тут же остановились, ослепленные светом яркого заката. Они низко опустили головы и, словно овцы, сбились в тесную кучу.

Из колодца вынырнула следующая клетка с углекопами. И поминутно слышались медные сигналы колокола и голос стволового:

— Стоп! — Поднимай!

Тихо шуршал стальной канат, злобно шипел сгущенный пар подъемной машины и громко вздыхал машинист, широкоплечий здоровяк с детскими голубыми глазами.

Через полчаса поднялась клетка с первыми жертвами катастрофы. На дне клетки, покрытые дырявыми мешками, лежали четыре трупа.

Смерть зареяла над рудником и рождала печаль и молчание.

Трупы были отнесены к загородке и, по приказанию доктора, положены в один ряд.

Закат остыл, побледнело небо над Грушевкой и медленно спускались сумерки, когда из колодца поднялась последняя клетка. Среди поднявшихся был и Степан Капралов с мертвым сыном на руках.

А. Свирский.

6. Новая Америка.

Александра Блока.

. . . . . .

. . . . . За рекой полноводной,
Где пригнулись к земле ковыли,
Тянет гарью горючей, свободной,
Слышны гуды в далекой дали...
Иль опять это — стан половецкий
И татарская буйная крепь?

Не пожаром ли фески турецкой
Забуянила дикая степь?
Нет, не видно там княжьего стяга,
Не шеломами черпают Дон;
И прекрасная внучка варяга
Не клянет половецкий полон.
Нет, не вьются там по ветру чубы,
Не пестреют в степях бунчуки...
Там чернеют фабричные трубы,
Там заводские стонут гудки...
Путь степной — без конца, без исхода,
Степь да ветер, да ветер, — и вдруг
Многоярусный корпус завода,
Города из рабочих лачуг...
Черный уголь — подземный мессия,
Черный уголь — здесь царь и жених,
Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных песен твоих!
Уголь стонет, и соль забелелась,
И железная стонет руда...
То над степью пустой загорелась
Мне Америки новой звезда!

Список рекомендуемых книг о каменноугольных копях и о жизни шахтеров.

Либерман, Лев. В угольном царстве. (Очерк условий труда и развития промышленности в Донецком бассейне). Третье изд. 1924 г. Изд. «Красная Новь».

Конради, Е. Черные богатыри. (Жизнь рудокопов под землей). Пятое изд. Павленкова. 1907 г.

Больше, В. В каменноугольном лесу. (Очерк каменноугольной эпохи). М. 1912 г.

Синклер. Король-уголь. Роман (из жизни американских углекопов). Гос. Изд. 1923 г.

Э. Пименова. На волосок от смерти. Повесть из жизни английских углекопов. Изд. «Книга», Ленинград, 1924 г.

Куприн, А. В недрах. Московск. книгоиздательство. 1917 г.

Золя, Э. Углекопы. Сокращ. перев. Е. Лешковой. Изд. «Красная Новь». 1923 г.

Серафимович. Под праздник. Изд. «Посредник». М. 1906 г.

Крандиевская, Н. Только час. Изд. В. Ц. И. К. Сов. Д. Москва, 1918 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стран.

От редакции 3

ОТДЕЛ I.

1. Каменный уголь и его значение в жизни человека . . . 7
2. Рабочие Донецкого бассейна до и после революции . . . 14
3. Как работают и живут донецкие шахтеры 19
4. Опасности шахтерской работы и борьба с ними 28

ОТДЕЛ II.

1. Песнь о каменном угле. **Всев. Рождественского** 37
2. Спуск в шахту. **Серафимовича** 39
3. Под землей. Из романа **Келлермана** 61
4. Песнь углекопов. С французского **Жюль Жуй** 70
5. Пожар в шахте. **А. Свирского** 72
6. Новая Америка. Стих. **Александра Блока** 86

Список рекомендуемых книг 88

Издательство БРОКГАУЗ-ЕФРОН

Ленинград, Прачешный пер., 6. Тел. 553-92.

Новые книги:

Проф. И. И. ПОЛЯНСКИЙ. ЮНЫМ НАТУРАЛИСТАМ. В помощь при первоначальном знакомстве с природой. С 62 рисунками. Обложка работы В. Н. Талепоровского. Цена 1 руб. 20 коп.

С. В. ГЕРД. ЖИВОЙ УГОЛОК ЛЮБИТЕЛЯ ПРИРОДЫ. I. Обитатели террария. С 95 рисунками. Заканчивается печатанием.

Т. Н. и Н. П. АНЦИФЕРОВЫ. КАМЕННЫЙ ВЕК. Из художественной литературы по истории первобытной культуры. С 30 иллюстрациями. Цена 1 р. 30 коп. Первое издание распродано. Печатается второе издание.

И. П. ПЛОТНИКОВ. РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЛИТЕРАТУРА. (Из опыта применения Далтон-плана). Издание второе. Цена 70 коп.

К. И. ЛЬВОВ. ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА. (Сборник материалов по организации праздника железной дороги в школах и клубах). С многочисл. рисунками. Цена 1 р. 50 к.

Цена 40 коп. 3292

Издательство БРОКГАУЗ-ЕФРОН

Ленинград, Прачешный пер., 6. Тел. 553-92.

Детские книги.

С. МАРШАК. ПРИКЛЮЧЕНИЯ СТОЛА И СТУЛА. Рисунки в красках Б. М. Кустодиева. Цена 1 р. 50 к. в папке.

А. Н. ТОЛСТОЙ. КОТ—СМЕТАННЫЙ РОТ. Рисунки в красках Вен. П. Белкина. Цена 80 коп.

Б. М. КУСТОДИЕВ. ТРУД. Рисунки для раскрашивания. Цена 60 коп.

Б. М. КУСТОДИЕВ. СЕЛЬСКИЙ ТРУД. Рисунки для раскрашивания. Стихи Мих. Павлова. Цена 70 коп.

КИРИЛЛ КУСТОДИЕВ. ВОИНЫ. Рисунки для раскрашивания. Цена 60 коп.

Н. А. ПАВЛОВИЧ. БОЛЬШЕВИК ТОМ. Рисунки Б. М. Кустодиева. Цена 50 коп.

Н. А. ПАВЛОВИЧ. КАПРИЗНИК ТИКИ. Рисунки В. М. Конашевича. Цена 50 коп.

М. В. ДОБУЖИНСКИЙ. ВЕСЕЛАЯ АЗБУКА. Рисунки в красках. Заканчивается печатанием.

Ю. Ю. ЧЕРКЕСОВ. ИГРУШКИ. Рисунки для раскрашивания.